ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

Ст. Б. Веселовский

Страницы из дневника
1917 - 1923

В. Ст. Веселовский

Встречи с И.А. Буниным
в 1917 году

Итог революции
и гражданской войны

Из старых тетрадей.

Ст. Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923.
В. Ст. Веселовский. Встречи с И. А. Буниным в 1917 году.
Итог революции и гражданской войны.

Ассоциация исследователей российского общества XX века

Степан Борисович Веселовский

1876 – 1952

Революция и гражданская война в России.
1917 – 1923

Из старых тетрадей

Степан Борисович Веселовский

Страницы из дневника.
1917 — 1923

Всеволод Степанович Веселовский

Встречи с И. А. Буниным в 1917 году.
Итог революции и гражданской войны

Москва
2004

Революция и гражданская война в России.
1917 – 1923

Из старых тетрадей. С. Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В. С. Веселовский. Встречи с И. А. Буниным в 1917 году. Итог революции и гражданской войны. М.: АИРО–XX. 2004. 96 с.

В книге собраны некоторые дневниковые записи известного русского историка, академика С. Б. Веселовского, в которых он в годы революции и гражданской войны (1917–1923), с присущей ему точностью и наблюдательностью, фиксировал картины происходивших событий, размышлял о причинах происшедшей в России катастрофы, высказывал мысли о судьбах России, свойствах ее народа. Историк пессимистически смотрел на перспективы развития «революционного процесса» в стране, считая, что Россия переживает не революцию, а всестороннее разложение государственности с нарастающей деморализацией народа. Его видение кризиса, глубокое и оригинальное, и сегодня, спустя восемь десятилетий, воспринимается с живым и неподдельным интересом. Записи историка удачно дополняются ранее не публиковавшимися воспоминаниями его старшего сына, В. С. Веселовского, о встречах его отца и других московских историков с писателем И. А. Буниным накануне революции 1917 г., о имевших место спорах относительно судеб России, ее прошлого и будущего. В очерке «Итог революции и гражданской войны», написанном В. С. Веселовским в 1922 г., сделана попытка проанализировать по горячим следам события совершившейся в России непосредственно на его глазах революции.

Дизайн обложки *К. Струков*

ISBN 5-88735-131-4

СОДЕРЖАНИЕ

Из старых тетрадей...

Академик Степан Борисович Веселовский заслуженно считается одним из ведущих исследователей Московского периода истории России XIV–XVII веков, его имя хорошо известно не только среди историков. Однако в этой книге мы хотим предложить читателю иной срез его личности и его жизни – до последнего времени бывший практически неизвестным.

Степан Борисович родился в 1876 году, закончил юридический факультет Московского университета. Выбрав жизненный путь историка-исследователя, он уже к 40 годам получил заслуженное признание русского научного сообщества, опубликовав в 1915–1916 гг. 2 тома своего фундаментального труда «Сошное письмо». События русской революции, начавшиеся февральским переворотом 1917 года, перевернули всю жизнь Веселовского и его семьи. Прочное положение и признание среди отечественных историков, профессорская кафедра в Университете, успешная исследовательская работа – все это оказалось опрокинутым и отброшенным в сторону бурным потоком событий разразившейся в России революции и последовавшей гражданской войны.

Теперь, в течение нескольких лет жизнь ученого превратилась в повседневную борьбу за физическое выживание его самого, его семьи и близких. Небольшой коммуной, обрабатывая землю и разводя пчел на принадлежавшем им участке земли в Подмосковье вблизи деревни Татариновка, а также распродавая постепенно остатки имущества, пережила семья Веселовских тяжелые годы 1918 – 1922. «О нашей жизни можно написать много и мало, – писал 18 апреля 1920 года Степан Борисович сыну Всеволоду. – Мы питаемся сносно. Тяжелее будет в июне, когда кончится мука. Картофель посадим весь – мешков 12–14 (Около 40 пудов). Постепенно исчезают предметы потребления и привыкаем обходиться без мыла, спичек, чая... Идеал толстовского опрощения достигается сам собой и через год-другой дойдет до первобытного совершенства. Но многие не дождутся этого рая. За зиму умерли начальник станции Барыбино, рудиновский столяр Кузьма и его сын после поездки за хлебом, кое-кто постарше из деревни Татариново (Григорий-кровельщик). Его сын Ларька пропал без вести...» И все же, несмотря ни на что, он не покинул Россию, приняв непростое решение разделить ее судьбу. «Культурная верхушка должна оставаться с народом, – считал, по свидетельству его сына, Степан

Борисович, – и ее обязанность состоит в том, чтобы осмыслить происходящее».

Среди письменных свидетельств семьи, относящихся к этому периоду жизни, наибольший интерес представляют безусловно дневниковые записи, которые Степан Борисович регулярно вел начиная с 1915 по 1923 год. В них можно встретить, с одной стороны, картины происходивших в стране событий, зафиксированные им с присущей ученому точностью и наблюдательностью. А с другой стороны – глубокие размышления о причинах происшедшей в России катастрофы, мысли о судьбах России, свойствах ее народа и правящих классов. Его видение кризиса и последующего прогрессировавшего распада Русского государства настолько глубоко и оригинально, что и сегодня, спустя восемь десятилетий, воспринимается с живым и неподдельным интересом, как если бы историк писал о современной России конца XX века.

Еще одним интересным источником, хорошо дополняющим страницы дневника историка, являются воспоминания и записи его старшего сына, Всеволода Степановича. В 1917 г. он заканчивал в Москве последний класс Поливановской гимназии, живо интересовался работами отца и имел возможность вблизи наблюдать сообщество московских историков, которое часто собиралось в гостеприимном доме Веселовских на Арбате (д. 23). Здесь же, в конце 1916 г. состоялись их знакомство и неоднократные встречи с Иваном Алексеевичем Буниным.

Предлагаемые читателю отрывки собраны в четыре раздела. Первый из них открывается воспоминаниями Всеволода Степановича о встречах с И. А. Буниным накануне революции 1917 года. Рассказ об этих встречах, спорах и рассуждениях историков и известного русского писателя буквально накануне революции относительно судеб России, свойств русского народа, ранее нигде не публиковавшийся, представляет несомненный интерес для читателя. Сюда же вошли некоторые фрагменты «Дневника» Степана Борисовича 1917–18 гг., в которых он пытался дать общую характеристику развертывавшимся событиям. Историк пессимистически смотрел на перспективы развития «революционного процесса» в стране, считая, что Россия переживает не революцию, а всестороннее разложение государственности, сопутствующее нарастающей деморализацией народа. Хронологически записи обрываются маем 1918 года – отъездом семьи на более-менее постоянное жительство в Татариновку и фактическим началом «деревенского» периода жизни семьи, последовавшего до 1922 года.

Во втором разделе книги собраны дневниковые записи Степана Борисовича, касающиеся прежде всего бедственного положения интеллигенции, страдающей и униженной, оказавшейся совершенно беззащитной перед ходом событий. Центральное место занимает очерк «Разгром Московского университета», написанный историком 20 марта 1920 года по

горячим следам событий на основе имевшихся нескольких его дневниковых записей – картина сознательного и целенаправленного разрушения, погрома русской гуманитарной науки. Завершается раздел фрагментами из дневника историка за 1919–23 гг., в которых запечатлены отдельные яркие картины русской жизни того времени.

В третьем разделе собраны относящиеся к гражданской войне три отрывка из большого труда сына историка («Проблемы нашей жизни», эта работа остается пока не опубликованной), который Всеволод Степанович писал большую часть своей жизни. Один из них – история ареста его и его отца, Степана Борисовича, сотрудниками ЧК в ночь на 3 сентября 1919 г. и последовавшем полуторанедельном их пребывании в Бутырской тюрьме. Два следующих фрагмента работы Всеволода Степановича, написанные в начале 20-х годов, являются попыткой проанализировать по горячим следам совершившиеся в России непосредственно на его глазах грандиозные события. Записки Всеволода Степановича безусловно представляют самостоятельную ценность как исторический источник и, в то же время, хорошо дополняют дневниковые записи его отца.

Наконец, в последнем, четвертом разделе собраны дневниковые записи историка 1919–1923 гг., посвященные Русской революции, размышлениям о причинах кризиса русской государственности, политического, социального и морального кризиса русского народа.

Впервые «Дневник» С. Б. Веселовского был опубликован в журнале «Вопросы истории» (2000. №№ 2, 3, 6, 8–12; 2001. № 2). Научная подготовка текста к публикации, вступительная статья и комментарии были выполнены доктором исторических наук, профессором РГГУ Андреем Львовичем Юргановым. Очерк «Разгром Московского университета» впервые был опубликован в 1996 г. Анной Степановной Веселовской («Московский журнал». 1996. № 12. С. 20–25.). В приложении к книге нами приводится генеалогическая схема Веселовских, принадлежавших к потомственному роду Смоленского дворянства и известного в истории России со второй половины XVII века, составленная в 1970-е гг. Наталией Константиновной Веселовской. Полное комментированное издание «Дневника» С. Б. Веселовского, а также комплекса материалов из истории семьи Веселовских (Воспоминания отца историка, сестер, воспоминания детства Степана Борисовича, его сыновей, Всеволода и Бориса, племянницы Наталии Константиновны и др.) готовится в настоящее время в издательстве РГГУ.

А.Г. Макаров
С. Э. Макарова
К. Б. Веселовский

Встречи с И. А. Буниным в 1917 году

Размышления о судьбах России

С. Б. Веселовский
Из дневника 1917 г.

11 января

Недавно познакомился с И. А. Буниным. После первого же знакомства почувствовал себя с ним просто и естественно. Так же, по-видимому, относится и он ко мне.

13 января

Завтракал с И. А. Буниным в Праге. Мы с ним очень во многом сходимся, и у нас сразу, еще при первом знакомстве, установились очень простые и естественные отношения.

В нелюбви к Достоевскому, как яркому выразителю русской интеллигенции, мы так с ним сходимся, что по очереди высказывали друг другу мнения, который каждый считал своими. Вечером у меня сидели до 11 часов Бахрушин и Яковлев. Я почти все время молчал и сидел, как чужой. Они, видимо, не обращали на это внимания и вели разговор в тоне шуток и острот.

23 января

...Вчера был с Буниным в Литературном Кружке.

26 февраля

Вчера с И. А. Буниным были в Английском Клубе. Хорошо провели время и оживленно беседовали. По слухам – в Петербурге военный мятеж.

В. С. Веселовский

«Сверх-интеллигенты»

> «Исторически понятно, что русский народ не способен управлять сам собой: он к этому не привык, для него власть всегда была внешней. А вследствие дикости, эта власть должна быть жесткой. Мягкость сейчас же приводит к анархии, от которой больше всего страдает сам же народ. Так что жестокие меры оказываются более гуманными».

У нас бывали еще интересные гости, не принадлежавшие к профессорской кампании. Николай Алексеевич Пушечников – скромный молодой человек, библиофил и почитатель Рабиндраната Тагора. Папе и маме он очень нравился. Он племянник писателя Ивана Алексеевича Бунина. Возможно, что именно он привел его к нам в конце 1916 г.

Бунина видимо интересовали профессора, собиравшиеся у нас. Он как-то назвал их сверх-интеллигентами. По справедливости это относится только к их эрудиции, так как в другом они высокой культурой не обладали. Не очень интересовались тем, что за пределами их специальности. Иногда даже сморкались при помощи пальцев.

Профессора относились к Бунину с уважением. Для меня же он отождествлялся с Гайаватой. Ничего другого из его произведений я не знал. Когда я его увидел, пришлось изменить это представление.

На вид ему за 40 лет. Черная узкая бородка, такая же, какую раньше носил папа. Он дворянин из Орловской губернии. Держится несколько чопорно. Глаза живые, пристальные. Говорил он не много, но интересно, интересней даже, чем рассуждения профессоров, которые бывали скучноваты. У нас дома появились некоторые его произведения. Кое-что я прочел, а больше слушал, что он говорил и что о нем говорили.

В ранних произведениях Бунин описывал страдания и горе крестьян. Этого много было в конце прошлого столетия, когда деревенское население еще не освоилось со своей свободой от крепостной зависимости. От неумения жить по-новому нищали дворяне, а часть крестьян превращалась в бродяг и беспутных хозяев.

Эти произведения Бунина имели успех. Литература в то время была полна страданиями народа. Пожалуй, кроме еще и порнографии, ни о чем другом и нельзя было писать – читать не станут и печатать не станут.

Преувеличение народных страданий сближает Бунина с Максимом Горьким. Но, как насмешливо заметил профессор Яковлев, Бунин писал

о деревне, потому что русский народ – крестьянский народ, а Горький искал пролетариат, которого в России не было. Он находил только подонки, отбросы общества и ему ничего не оставалось как выдавать их за пролетариат.

Бунин также охотно описывал диковинки, уродливое, беспутное. Умалчивает, что крестьянская масса не такая, Она жизнеспособна и уже создала новый облик деревни. И еще, Бунин приписывает простонародью свои интеллигентские мысли. Впрочем это вошло в традицию у русских беллетристов и у Бунина этого меньше и тактичнее, чем у Горького.

Бунин ближе к Чехову. У обоих главное – человек, к сожалению часто не обычный. Отсюда и получается у Чехова – как люди глупо живут. У обоих главное – характеры и переживания, а сюжет произведения не существенен. Если не описывать ничего, кроме глупого, то так и должно получиться. Должен признаться, что я не очень люблю большие вещи Чехова и Бунина: умно, тонко и скучно.

В более поздних произведениях Бунин переходит к верхним слоям общества. В поисках верхушки интеллигенции он по-видимому и попал к нам. Это тематическое изменение вызвано тем, что он направил внимание на ответственность верхнего слоя народа за судьбу всего народа. Поэтому он разоблачает темные стороны и делает это язвительно и злобно.

Впрочем язвительности у него много и по другому поводу. Он обо всех говорит плохое. Это-то у меня и не связалось с Гайаватой. Своего приятеля Куприна он поддевал так язвительно, что тот едва сдерживался. Особенно издевался над его театральными выступлениями. Зло говорил о Достоевском, называя его вредным выразителем русской интеллигенции, а описываемые им ситуации слишком неестественными и уродливыми. Злобствовал над литературным оскудением – над декадентами, символистами, порнографией Арцибашева и Каменского, называл хулиганами в искусстве футуристов – Игоря Северянина и Маяковского. И делал это остроумно и убедительно.

Отношение к народу у Бунина соединено с пессимизмом, в основе которого признание бессилия разумного в исторической жизни. Людьми двигают чувства, Отсюда его внимание к религии, так как она царица в области чувств.

Я спросил у папы:

– Если люди живут чувствами, то почему же запрещать порнографию.

Бунин засмеялся:

– Чувства-то бывают хорошие и плохие. Впрочем и это относительно.

Он предложил взять меня с собой в «Летучую мышь». Профессор Яковлев игриво поддержал. Это заведение помещалось в самом высоком доме в Москве – в «доме Нирензее» в Гнездниковском переулке. Для меня было ново и странно. Сцена как в театре, а публика сидит за столиками и угощается. Подали вино в квасных кувшинах и мороженое с ромом или

коньяком. От него дамы начинают смеяться, а встать со стула не могут. На сцене какая-то оперетта.

Через некоторое время меня взяли в сатирический театр «Кривое зеркало» на оперную пародию «Вампука». В оперетке Потапчиной я бывал и раньше. Смотрел «Пупсика», «Иванова Павла», «Сильву».

У папы с Буниным необыкновенно быстро возникла большая дружба.

Такая дружба удивительна, так как по своему характеру ни тот, ни другой к этому не склонны.

Бунин бывал у нас и после Революции. Весной 1918 г. он уехал в Одессу. Затем от Пушечникова мы узнали, что в 1920 г. он эмигрировал. После Революции его старательно замалчивали.

Об улучшении социального строя

В обществе всегда можно найти такое, что надо бы улучшить. Но это не так просто. Всякое действие направлено на свою определенную цель. Но оно вызывает кроме нее побочные результаты, которые по ученому называются гетерогенией цели. Попросту, улучшая одно, можно ухудшить другое.

Изобретение искусственных красителей есть технический прогресс. Но оно убило производство природных красок и много людей лишилось средств для существования.

Освобождение крестьян в России и негров в Америке есть социальный прогресс. Но его болезненно переживали многие, прежде всего сами крестьяне и негры.

Значит с одной стороны улучшение, а с другой – жертвы, да еще затраты на саму операцию улучшения. Конечно, улучшать необходимо, но нужна предусмотрительность и достаточная медленность, чтобы люди успели приспособиться к новым условиям.

Сказанное относится к содержанию улучшения. Практически к нему присоединяется способ, как производится улучшение – так сказать техника дела – путем постепенных реформ или радикальных изменений.

Все это имеет самое близкое отношение к нашей действительности – к конституции с Государственной Думой. И надо отдать справедливость консерваторам – тем, кого называют монархистами – в том, что они указывают на легкомыслие. Думским депутатам поручено законодательное представительство народа. Но большинство их просто невежественные люди в этом деле. Да еще страстная вражда мнений и интересов. И все это подогревается снаружи людьми еще более пристрастными и невежественными.

В общественном мнении преобладает политический радикализм вплоть до революционности. Радикализм предлагает резко изменить общественный порядок при помощи универсальных рецептов. Примерами могут служить социализм, анархизм, толстовство. Но нельзя по произволу

выдумать социальный строй. Это будет не медицинская помощь, а знахарство.

Ключевский с определенностью поставил под сомнение реформы Петра I. Они стоили таких больших жертв, что полученное временное ускорение прогресса их не оправдывает.

Говоря о революции, имеют в виду скачкообразное улучшение и умалчивают о ее по существу насильственной природе. По ученому революция есть насильственный радикализм. Профессор П. И. Новгородцев добавил, что революции совершаются отнюдь не большинством народа, а по большей части ничтожным меньшинством.

Никак нельзя сказать, что революция ничем не может быть полезна. Но она всегда сопровождается жертвами, а обычно и народными бедствиями.

В истории наблюдается интересный парадокс. Народы делают революции не тогда, когда им становится хуже, а когда они прогрессируют, когда их жизнь улучшается. При этом сильнее чувствуются недостатки существующего строя и сознание недостатков опережает прогресс. Следовательно его надо ускорить радикальным способом.

У нас много идейных революционеров, т. е. уверенных в необходимости именно революции, а не реформ. Одни из них считают, что революция нужна вследствие существующей в России обстановки. Это не бесспорно, но представляется имеющим смысл. Но есть и такие, и пожалуй их большинство, которые считают, что революция сама по себе есть благо.

Так как же все таки должно производиться улучшение? Платон две с половиной тысячи лет назад пришел к выводу, что государством должны управлять мудрецы. Это идеализация того, что античные демократии управлялись советами стариков – сентами.

В XVIII столетии распространилась теория просвещенного абсолютизма, т. е. диктатуры, лучше знающей то, что нужно народу, чем сам народ. Так думали Петр I, Вольтер, Екатерина II.

В XIX столетии философ Гегель оправдывал революцию как форму естественного исторического развития благодаря столкновению противоречий.

У нас пожалуй крупнейший теоретик в этой области профессор Б. Н. Чичерин. Он доказывал, что нужна такая организация, которая реформирует общество не в интересах какого-нибудь класса или партии, а для блага всего народа. Это надклассовая и беспартийная организация. В России это возможно только при диктатуре, например при монархическом самодержавии. Она не исключает законодательной деятельности Государственной Думы. Это известно из практики допетровской Руси.

Недостатком монархий считается опасность извращений из-за плохого качества монарха. Например, Иван Грозный, Павел I, да и Николай I.

Но эта опасность не меньше для республик, где власть могут захватить Робеспьеры и Наполеоны. Про Британию острят, что там король существует для того, чтобы никто не занял его место.

Шире, чем можно было бы думать, распространена реакция против прогресса. Одни прямо говорят, что от культурного прогресса будто бы еще хуже получается: растут пьянство, хулиганство, дурные болезни. Вот Лев Толстой и утверждает, что улучшать надо не в сторону прогресса, а в обратном направлении – опрощать жизнь. А народники умиляются перед русской самобытной простотой, т. е. опять же перед некультурностью. Любопытно, что в социализме есть элементы реакции против прогресса.

Известно, что дикари усваивают из цивилизации легче отрицательные стороны и от этого иногда вымирают. Так было с индейцами в Америке и с инородцами у нас в Сибири.

Контакт с Западом усилился в XVII столетии. Он сделал явной русскую отсталость. Из этого развилось представление, что русское плохо, а западное хорошо. Петр I возвел заимствование у Запада в государственную политику. Перенимал все без разбора, и бритье бороды, и курение табака. А ведь за курение еще недавно вырывали ноздри и отрезали уши.

Только через 100 лет началась ассимиляция западной культуры по существу, а не только по форме. Наполеоновские войны привели русских людей в Европу и они увидели, что дает культура для жизни народа. Это получило выражение в декабристах и масонской моде. Началось в верхних слоях народа. А продолжать надо поднятием культурности масс и не пропагандой, а грамотностью.

В монографии П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» интересно описано, как в XIX столетии происходило переваривание западной культуры, критическое усвоение того, что в ней ценно для нас. Это не беллетристика Герцена, Чернышевского и проч., где за деревьями леса не видно. Это ассимиляция.

Для Бунина эти рассуждения профессоров были как будто неожиданными. Он привык только протестовать против страданий народа. Он заявил, что все это кажется разумным, но относится к форме, а не содержанию улучшений общества. И не понятно, каким должно быть это содержание: экономическим, моральным, религиозным?

О русском народе

Отношение к народу у Бунина соединено с пессимизмом, в основе которого признание бессилия разума в исторической жизни. Народом двигают чувства. Отсюда его внимание к религии, так как она воплощает высшие чувства – она царица в области чувств.

В отличие от славянофилов, народников, Льва Толстого и беллетристов, Бунин не идеализировал простой народ. По народной теории все зло происходит от богатых. Характерна озлобленность именно на богатых – это ценнейшее свойство народа для пропаганды левых. Ну, а сам-то народ как? Богатый не с неба свалился – он тоже из народа и волей-неволей руководитель бедных и слабых. (Этот вопрос Бунина имеет значение, которое мы сильно почувствовали только после Революции. Народ страдал и от царя, и от Революции и в этом старались обвинить кого угодно, но не его самого.) Средства его руководства должны соответствовать свойствам руководимых.

От дикости в народе осталось много дряни, злобности, зависть, жадность. Хозяйство мужицкое как следует вести не умеют. Бабы всю жизнь пекут плохой хлеб. Бегут смотреть на драку или на пожар и сожалеют, если скоро кончилось. По праздникам и на ярмарках в бессмысленных кулачных боях забивают насмерть. Дикий азарт!

На Бога надеются и ленятся. Нет потребности улучшать свою жизнь. Кое как живут в дикарской беспечности. Как чуть боженька не уродил хлеб – голод.

Об этом беллетристы умалчивают!

Так вот. Простой народ имеет пороков не меньше, чем его богатые господа, плюс еще некультурность. Конечно, есть и хорошие качества. Но не о них речь – улучшать-то надо плохое.

Профессора не согласились с этими высказываниями Бунина. Нельзя все мерить на свой интеллигентский аршин. То, что для интеллигента дикость, есть состояние народной массы и при том естественное состояние – ступень в его историческом развитии. Из него и надо исходить в улучшении, а не из произвольных надуманных схем.

И народники, и Лев Толстой, и социалисты – это как раз реакция против побочных результатов улучшения от прогресса, т. е. против гетерогении цели. Их теории содержат много реакционного.

(Под влиянием этих разговоров я припомнил, что давно замечал, но как-то неясно и не обобщал. В деревне при усадьбе нельзя иметь фруктовый сад, нельзя пчел разводить – все потихоньку разорят соседи. И это даже не просто зависть. Прямо-таки страсть к порче и уничтожению общественно полезного. Портят дорожные знаки, электрические провода, общественные уборные. Делается это кому-то на зло, исподтишка, когда никто не видит или видят только соучастники. Значит сознание скверности есть.)

Воровство и обман в простом народе часто считаются похвальными – вроде проявления ума, ловкости, удали. Из нашего Ваньки как-то пытались сделать продавца в магазине. Приезжая по воскресеньям, он только и говорил о том, как обманывать покупателей и хозяина. Кончилось тем, что его втянули в какую-то кражу и на нем отыгрались – его уволили. Крестьянский фольклор наполнен восхвалением воровства и жульничества, даже разбоя. Как мужик обманывает барина и попа. О том, как дядя

учил племянника воровать и как талантливый племянник обворовал своего учителя.

В своем дневнике папа писал:

«*19. 02. 1916*. Года три тому назад я сделал в Обществе Истории доклад о Смуте в начале XVII столетия. Его хвалили В. Т. Глазов, М. К. Любавский и другие. Мне хочется его переработать и написать без ученого аппарата. Эту Смуту питала нравственная смута в самом населения, которое терпело грабежи и даже само участвовало в них. Шайки литвы и воров были ничтожны для того, чтобы причинить то разоренье, которое создалось, если бы не попустительство населения.

А рядом неуклюжая московская власть, безсильная против «литвы» и победоносная против «воров» только тогда, когда они лишились поддержки поляков. Она наказывала население. И это привело к переходу черных и дворцовых крестьян на положение крепостных – так кончился пир наш бедою».

Исторически понятно, что русский народ не способен управлять сам собой: он к этому не привык, для него власть всегда была внешней. А вследствие дикости, эта власть должна быть жесткой. Мягкость сейчас же приводит к анархии, от которой больше всего страдает сам же народ. Так что жестокие меры оказываются более гуманными.

(В мае 1896 г. во время коронации Николая II при раздаче сувениров на Ходынском поле произошла страшная давка. По слухам в толпе пострадало 2000 человек. Почему-то в этом обвинили царизм, будто бы он, желая вызвать впечатление грандиозности события, нарочно устраивает «ходынки». Левые и либералы уверяли, что это пример неспособности управлять народом. Но что это проявление дикого народного азарта, об этом умалчивается.)

Для русских характерно желание подчиняться власти – любоначалие, покорность, терпение к принуждению властью – как это неудачно называют. В этом важная основа государственности, так как государство есть организованное властвование. Но одновременно моральная неустойчивость, которая чаще всего проявляется в легкой перемене настроения, легкой дикарской возбудимости и бунтарстве.

И желание подчиняться, и неустойчивость связаны с неотчетливостью русского сознания. Оно смутно. Отсюда непредусмотрительность и легкомыслие, непостоянство в направлении деятельности – живут настоящим, будущее в тумане, прошлое забыто. Отсюда неуверенность в себе и заставляет предоставлять властям думать и заботиться о них.

Неграмотность России принято преувеличивать: совсем неграмотных было не больше двух третей населения. А вот дикость, необузданность, это верно. Не только психическая растрепанность, но и внешняя бросается в глаза, когда в школе вместе с русскими учатся дети немцев, поляков. Они чище одеты, умыты, тетради и учебники аккуратнее.

Профессор Яковлев насмехался, что русская государственность имеет три основания: 1) русские против внешних врагов сражаются как львы, 2) между собой человек человеку – волк, 3) перед начальством – «чего изволите?», по-собачьи. Над этим можно смеяться, но в этом глубокий смысл – именно сочетание этих трех качеств и создает государственность: национальная солидарность, взаимный контроль и желание подчиняться.

Тут профессора заспорили. На большой равнине, не разделенной естественными преградами, должно образоваться одно большое государство. Волею судеб во главе его поставлены великороссы. На их стороне не только численное превосходство, но государственная инициативность. Они не только расселились на почти ничейные земли на восток вплоть до Аляски, но присоединили к Русскому государству народы на западе – малороссов, белорусов, поляков... Россия надвигается на Европу и это движение продолжается.

Папа развивал идеи Ключевского в пессимистическую сторону. Утверждал, что русские не способны создать государство на территории современной России. Их экспансия достигнута силой оружия. Но нет внутренней связи – настоящего патриотизма и национализма. Россия развалится при внутренних или внешних потрясениях. Признаки государственного разложения уже есть.

Остальные высказывались сдержанней. Верно, что культурный рост не успевает за расширением России. Но она все же прогрессирует. Население становится более однородным вследствие обрусения инородцев. Обрусение идет наиболее быстро там, где русские культурнее инородцев. Оно медленнее там, где инородцы культурнее, как например в западных областях.

Конечно, кроме центростремительных сил, создающих единое сильное государство, есть и центробежные. Из них в свое время возникли малороссы, донские казаки... Но затем они все же присоединялись. Это вызвано и национальной солидарностью и сознанием необходимости объединиться против внешних угнетателей. Например, у юго-западных славян. Пока они еще не догадываются, что после объединения с Россией от одного угнетателя они попадут к другому. Поляки это уже почувствовали.

«Вот — когда можно сказать, что закончилась глава русской истории и начинается новая»

С. Б. Веселовский

Из дневника 1917–1918 гг.

1917 год

«Не революция, и даже не политический переворот, а распад, разложение, государственное и социальное...»

27 февраля

Привычка и умение острым анализом и упорным трудом разрешать научные задачи выработали веру в себя и в этот путь познания. И как-то непонятно становится мне полное бессилие там, где анализ совсем не нужен или мало пригоден, а упорство в собирании и обработке фактов неприменимо.

Из Петербурга тревожные и пока не вполне ясные слухи. Правительство свергнуто и министры арестованы. Протопопов бежал. Солдаты и рабочие захватили арсенал, склады и целый ряд правительственных учреждений. Ходят неправдоподобные слухи о диктатуре Алексеева и т. п. Словом, достукались, а что из этого выйдет, невозможно предвидеть. Судя по ничтожеству и трусости правительства, не удивительно, что оно сразу уступило. Но кому? Такой же ничтожной интеллигенции, деморализованным солдатам и ушкуйникам.

В Земском Союзе радость и торжество по поводу «конца царской России». Конец то конец, но не будет ли это концом независимости русского государства и народа вообще?

1 марта

В Петербурге события летят с кинематографической быстротой. Правительство свергнуто безвозвратно. Чернь пока признает власть Думы. На улицах постепенно восстанавливается некоторый порядок. Франция и Англия признали новое правительство, к возникновению которого они,

по крайней мере Англия, приложили руку. Николай задержан в Бологом по дороге из Петербурга в армию. Последнее известие – что он отказывается от престола, на который будет возведен один из Константиновичей. Во всем этом замечается какая-то организация, чья – неизвестно, но пока, к счастью, не революционных партий. По-видимому революционные партии застигнуты переворотом врасплох.

В Москве тот же паралич власти и быстрое развитие событий. С часу до трех был в Думе на заседании главного комитета Союза Городов. Слушали сообщение М. М. Новикова о Петербургских событиях. Дума превратилась в дом сумасшедших, оставшихся без надзирателя. Тут штаб-квартира повстанцев и образующегося московского правительства. Расхаживают и бегают люди в военной форме, темные личности и всякий сброд. На лицах у них недоумение, растерянность и даже испуг. На площади возле Думы охрана из пехоты и артиллерии. Я едва пробрался на заседание сквозь толпу солдат. На верхнем этаже встретился с несколькими жандармами и полицейскими, которых вели под конвоем...

2 марта

Сегодня в $10^1/_2$ ч. в Главном Комитете соединенное заседание уполномоченных Земсоюза и Земгора. После заседания прочтено письмо, полученное от Львова. Он пишет, что предполагалось послать его, Родзянку и еще кого-то (не помню) в Бологое для переговоров об отречении Николая от престола. Позже решение было изменено; поезд направлен во Псков, но со ст. Дно возвращен в Царское Село, где Николай и находится под охраной. Львову предложено быть премьер-министром и министром внутренних дел. Он отказывается до того, как вся Дума выскажется за это. Однако пишет, что утвердил смету Земского союза и предложил генералу Веденяпину, который пока оставлен на своем месте, принять ее к исполнению.

Письмо кончается словами: «Виден свет!» Сейчас Н. В. Якушкин передавал по телефону, что ставка Алексеева признала власть Думы. С Советом рабочих депутатов пришли к соглашению: временно регентом будет Михаил Александрович, до созыва Учредительного собрания и окончательного решения о будущей форме правления.

Еще слухи: Николай застрелился; в Берлине военный мятеж; последней каплей, истощившей терпение, было нахождение документов по сношению царицы с Германией о сдачи Риги.

На улицах Москвы толпы слоняющихся без дела солдат, рабочих, подростков, девиц, дам и т. п. Большинство магазинов заперто. Основной тон настроения толпы, как мне представляется, это – наивное любопытство и легкомысленная радость. Победа досталась (в Москве) очень легко. А о будущем не думают и, по-видимому, совершенно не понимают серьезности переживаемого.

14 марта

Пережито много. Жаль, что совершенно не было времени записывать виденного, слышанного и передуманного.

Несмотря на то, что толчком послужили продовольственные неурядицы и недостаток хлеба, происшедший переворот, как мне кажется, имеет определенно выраженный стихийно-политический, а не социально-революционный характер. Старая, ставшая всем ненавистной, власть слетела как призрак. Крайние левые надрываются изо всех сил, чтобы зажечь гражданскую войну («Другого такого случая не будет! Мы не дождемся!») и превратить политический переворот в социальную революцию. Народ инстинктивно колеблется начать внутреннюю борьбу и в то же время бессилен понять и ясно сказать, что это гибельно. После единения всех классов и сословий, приведших к перевороту и которым сопровождался переворот, неминуемо при нашем отсутствии государственного, национального и правового смысла начнется расслоение, а затем жестокая борьба.

Хочется верить, но трудно, что масса народа переварит отраву сектантов, изуверов, выродков старого строя, анархию со стороны вырвавшейся из уголовных тюрем сволочи и немецкий шпионаж и провокацию. Представителей дворянского сословия не слышно и не видно. Торгово-промышленные круги несомненно содействовали и сочувствовали перевороту, но повернут свой фронт, как только движение примет социально-революционный характер. Дальнейший ход событий больше всего зависит от хода дел на фронте. Неудачи могут вызвать быструю и сильную реакцию. Верхи буржуазии отступятся от Временного Правительства. Интеллигенция болтается из стороны в сторону и не может считаться основой, на которую может опираться Временное Правительство. Революционные низы не прочь были бы свергнуть его и теперь. Средняя буржуазия будет поддерживать всякого, кто обеспечит порядок. Успехи на фронте усилят правительство и позицию имущих против революции.

10 апреля

Идет второй месяц со времени переворота, а положение все еще остается очень неясным. В общем, как мне кажется, разложение быстро прогрессирует. Новые власти и новая форма жизни понемногу налаживаются. Но зато разрушительное начало продолжает действовать.

Если бы не крайне опасное внешнее положение и не изуверство крайних правых, можно было бы надеяться на благополучный исход. Реакция против крайностей несомненно нарастает, но слишком медленно. А товарищи тем временем готовятся к диктатуре пролетариата, гражданской войне и, конечно, к неизбежному террору.

Газеты каждый день приносят известия одно хуже другого.

30 апреля

Приезжающие с фронта за последние 2 недели в разных выражениях говорят одно и то же: положение безнадежное и катастрофа почти неизбежна. Так говорили Т. И. Полнер, Хрикунов и Л. П. Демидов. Последний сегодня говорил, со слов Алексеева, у которого был по вопросу эвакуации раненых. Алексеев ему сказал, что раненых не будет, т. к. боев не будет. С начала войны не было такой благоприятной для наступления обстановки, как сейчас, т. к. немцы перевезли очень много сил на Запад (по словам Хрикунова: оставили на нашем фронте ровно столько, сколько нужно для братанья с нашими солдатами), но наступление невозможно.

Революционный мессианизм возрождается в формах еще более грубых и наивных, чем в 1905 году. Хлестаковы революции употребляют выражения о России: самая передовая демократия мира и т. п. и с удивительной наивной наглостью обещаются навязать свою демократическую волю всему миру. И это в то время, когда Россия неуклонно идет к тому, чтобы стать среди других народов на один уровень с Турцией и Персией.

2 мая

Маниловщина Временного правительства дает свои богатые плоды и вызывает реакцию. В ответ на попытки образовать так называемое коалиционное министерство, Гучков подал в отставку. Между прочим он указал глубоко верно, что бесполезно, к сожалению, призывать к власти настоящих вождей Совета рабочих и солдатских депутатов, т. к. масса, на которую они, якобы, опираются, не организована, а сами они не пользуются у нее авторитетом. При таких условиях какие бы то ни было перестановки в министерстве тех или иных лиц ничего не решат и нисколько не помогут. Главная беда – в неорганизованности и некультурности масс, в крайней слабости национального чувства и в отсутствии правовых понятий и привычек. Революционные партии понимают организацию масс очень упрощенно: собрать толпу, «поднять» ее настроение хлесткими речами и игрой на низменных инстинктах, вынести резолюции и выкрикнуть депутатов. Представительство организовано, и в дальнейшем можно смело говорить везде, где это понадобится, если не от имени всемирного пролетариата, то по крайней мере от всероссийского. Понятно, что такие депутаты никого и ничего не представляют и совершенно негодны для организации государственной власти.

Если так, то возникает вопрос, как быть и что делать. Мне представляется, что путь один – бросить маниловщину и политику компромиссов, которые ведут только к замедлению неизбежного процесса разложения.

Анархия и полное разложение неизбежны, и от того, что удастся их замедлить, неизбежный путь не изменится. Едва ли это может быть защищаемо и с точки зрения гуманности. Можно сильно сомневаться, что

оттяжка кризиса сделает его менее кровавым. Между тем несомненно, что за это время блужданий и колебаний будут сметены все остатки старого строя и все обрывки старых организационных связей. Бегство солдат с фронта и из тыловых запасных частей принимает стихийный неудержимый характер и огромные размеры.

6 мая

Давно хотел записать и при возможности обработать свои мысли по поводу исторических судеб России. Но все откладывал. Некоторые основные мысли я высказал еще в 1905 г. Как сейчас помню разговор с В. О. Ключевским (у А. И. Яковлева) в начале 1906 года. Помню, что высказанное мною произвело на него очень сильное впечатление. Почему я не написал и не напечатал своих мыслей? Кажется тут было несколько причин. 1) Я был очень занят и поглощен Сошным письмом. 2) Относился с недостаточным уважением к читателю и сомневался в пользе и возможности сказать такие горькие слова. 3) Наконец, у меня зарождались сомнения в правильности моих некоторых суждений – все хотелось верить, что действительность и будущее не так скверны. В настоящее время, если не все, то многие мои сомнения рассеялись, а с другой стороны крепнет убеждение, что искренняя, правдивая и смелая мысль не умирает.

Теперь, после $2^1/_2$ лет неудачной войны и особенно после переворота, можно говорить с уверенностью о бесплодности общественного движения 1905–6 гг. Следует оговориться – такое длительное, бурное, стоившее огромных жертв движение, как всякий крупный исторический факт, не могло пройти бесследно, и под бесплодностью следует понимать вовсе не то, что движение не имело и не вызвало никаких последствий, а 1) то, что положительные результаты не стоят ни в каком соответствии с жертвами, и 2) то, что движение не остановило и даже не замедлило того процесса разложения государственности, который был ясен всякому внимательному наблюдателю еще до японской войны, и который обнаружился с такой грозной ясностью теперь.

7 мая

То, что называют теперь великой революцией (это уже вторая! сколько сил!) в сущности есть не революция, и даже не политический переворот, а распад, разложение, государственное и социальное.

Нет такой нелепости, которая осталась или останется не испробованной, нет глупости, не высказанной.

8 мая

Возрождение революционного мессианизма. Перейдя внезапно от рабской покорности к неограниченному ничем самоопределению, вырвавшийся на волю раб преисполнился самомнения. Он бредит в припадке

буйного помешательства, что Россия самая свободная и демократическая страна в мире, что она скажет всему миру новое слово, продиктует не только буржуазиям, но и демократиям всего мира революционную волю русского пролетариата. В газетах – призывы и угрозы Временному правительству «оказать давление» на союзников. Со стороны людей, подкупленных Германией, это понятно, т. к. может повести к разрыву с союзниками, но ведь есть и добросовестные, доморощенные идиоты, а, главное, есть публика, которая верит этому бреду и принимает его за чистую монету. Этот балаган собирает публику. Угрозы оказать давление на сильнейшие государства мира, на самые передовые демократии, когда армия разлагается, а истощенная страна бьется в судорогах анархии, это – верх безумия. Здесь лечение бесполезно, а нужна горячечная рубашка.

9 мая

...Многие люди – самых различных темпераментов и направлений – признают, что так называемое коалиционное министерство есть последняя ставка. Трудно предполагать, что она не будет бита. Ближайшие следствия можно предвидеть. В рядах социалистов и революционеров произойдет раскол. Если немецкая агитация и крайние левые будут настолько сильны, что обессилят правительство и не дадут ему работать, то анархия, разорение и распад армии быстро пойдут дальше. Результат – гибель не только свобод, но и России. Если же министры социалисты возьмутся действительно укреплять власть, опираясь на своих сторонников, то они быстро и радикально порвут связи (и без того слабые, когда все расползается) с левыми и будут вынуждены бороться с ними активно, на деле, насилием, когда потребуется, а не на словах и не словами. Чтобы подавить анархию и крайности левых им придется начать употреблять в значительной мере такие же меры и средства, какие должна употреблять всякая власть и какие употребляла свергнутая. Это – наклонная плоскость. В мирное время ровный путь, а теперь под гору. Раз ставши на этот путь, [министры социалисты] быстро утратят всякое влияние у своих единомышленников, а если действительно одолеют революцию и анархию, то вскоре будут убраны, за ненадобностью, представителями имущих классов...

14 мая

...Одна из причин разложения армии – та, что у нее, как и у большинства русских, была уже давно утрачена вера в свои силы, в возможность победить. Но главной причиной настоящей смуты в умах и разложения армии это, несомненно, то, что огромное большинство населения России с самого начала войны не понимало ее смысла, не уяснило его в течение войны и теперь не может уяснить. Между тем нет и выхода. Здравый смысл говорит, что нельзя побросать ружья и побежать домой, но смысла

в стоянии на месте или, вернее, уверенности, что нельзя не стоять – нет. Так как немцы не тревожат. И делают правильно и умно, так как через месяц возьмут нас голыми руками, без всяких жертв, при помощи одних шпионов и наемных агитаторов.

Вот уж подлинно, навоз для культуры, а не нация и не государство. Я еще в 1905 г. говорил (и В. О. Ключевский, и А. И. Яковлев слушали меня как человека, утратившего самообладание и говорившего парадоксы), что Российское государство в том виде, в каком оно существует, есть историческое недоразумение, которое вскоре рассеется в международной борьбе.

Я глубоко убежден, что переживаемое нами – не революционный переворот, а распад государственный и социальный, вызванный внешним ударом. Это прежде всего – военное поражение. В газетах призывы к Временному Правительству оказать давление на союзников – т. е. начать переговоры о мире с Германией. Со стороны людей, подкупленных Германией, это понятно, т. к. может привести к разрыву с союзниками.

30 мая

...Теперь для меня уже несомненно, что роль России, как великой Европейской державы окончена. Из войны она выйдет разоренной, истощенной, урезанной и опозоренной. Колосс, как говорили немцы, действительно оказался колоссом на глиняных ногах! Упадок уже наметился и стал для меня ясным в последнее пятилетие перед русско-японской войной. Уже эта война подорвала положение России. Испытания последней войны она не вынесла. То, что происходит сейчас, не дает возможности определить ту бездну позора, разорения и унижений, которая ожидает нас.

Вот – когда можно сказать, что закончилась глава русской истории и начинается новая.

8 августа

...В политическом положении – затишье бессилия, временный роздых перед следующей схваткой, а именно бессилие всех партий, групп, сословий и т. д. Высказано и высказывается так много верных и хороших мыслей, что кажется, что больше нечего сказать. Если не все, то очень многое – ясно. Все видят сильный упадок производительности труда, расстройство транспорта, гибельность анархии и т. д., но никто ничего не делает. Все как будто ждут импульса, толчка извне и от него, а не от своих усилий ожидают сдвига. Машина попала на мертвую точку и стала. В наиболее опасных местах, как в армии, полумеры.

30 ноября

Давно не писал. За это время прошло много событий. Пережита гражданская война на улицах Москвы. Устанавливается диктатура пролетариата... Последняя вырождается в хозяйничанье немцев и черносотенных организаций. Теперь уже несомненно, что Учредительное Собрание будет сорвано и разогнано. Это вопрос нескольких дней, самое большее – двух-трех недель.

1918 год

«...какое колоссальное расхищение общенародного достояния всех видов произвела и производит революция. Труд и кровь десятков поколений пущены на ветер, разграблены и отданы немцам».

16 января

Самый трудный номер – разгон Учредительного собрания – прошел, или, вернее, проходит. Теперь уже несомненно, что революция убита; остаются борьба с анархией и реставрация. При общем утомлении, утрате веры в свои силы и даже, в значительной мере, идеалы эта борьба – вопрос техники. Большевики «народные» комиссары в точности выполняют немецкую программу и, нанося удары России, одновременно оказывают давление, купно с немцами, но разными средствами, на союзников.

Показать на деле возможность уничтожения свободной печати, всяких свобод и наконец Учредительного Собрания, «всенародно» избранного, все это такие номера, такие удары социализму и революции, от которых в России они не оправятся даже в том маловероятном случае, если вспыхнет мировой пожар, расчетами на который наши кустари революционных дел оправдывали свои безумные ставки va banque. Русский пожар, как революция, а не как анархия, опасная отдельным лицам, но не строго, прогорит раньше, чем вспыхнет пожар в Европе. Я говорил это еще в марте и теперь все больше убеждаюсь. Если же вся эта гнусная смута закончится через месяц, другой монархическим переворотом, то все безумства наших кустарей, все жертвы, которые они потребовали от страны в своей нелепой идее мирового пожара, послужат для Запада наглядным уроком и укрепят, а не ослабят и не разрушат, позицию буржуазно-капиталистического строя и империализма.

Как пройдет переворот, и вообще – возможен ли он в ближайшем будущем? Некоторые верят в его близость. Я не берусь решить; скорее мало верю. Где и какие силы примут участие? Исход и конечные результаты будут зависеть от отношения, так называемой революционной и нерево-

люционной интеллигенции. Торгово-промышленные круги и верхи имущих классов, конечно, будут его приветствовать как освобождение от засилия взбунтовавшихся илотов. Если интеллигенция, наученная горьким опытом и отрезвленная всем, что произошло и что может быть в дальнейшем, пойдет на компромиссы, то можно ожидать менее болезненного уничтожения анархии и водворения порядка и в результате – сохранения хотя бы части «завоеваний революции». Если же она не поймет безвыходности положения страны, упрется и будет продолжать свои старые песни, то можно ожидать очень кровавого террора справа и очень тяжелых форм ликвидации безумия.

18 января

Утомленный войной и продовольственной разрухой, изверившийся в свое правительство и в свои силы народ получил с самого начала смуты такую лошадиную дозу революционной интеллигенции, вырвавшейся из тюрем и ссылки, от которой не поздоровилось бы даже крепкому организму.

13 февраля

Развертывается предпоследнее действие всероссийского балагана пролетарской революции. Псков уже взят немцами. По слухам занята Луга. Если последнее верно, то это очень быстрое продвижение – в одну неделю занят Двинск и пройдено $^3/_4$ пути до Петрограда. Если будет продолжаться так, то Петроград через неделю наверное будет в руках немцев. Сбываются мои самые мрачные предсказания – что разложение дойдет до таких пределов, что отряды шуцманов займут без сопротивления всю Россию. Социалистическая пресса достигает крайних пределов лжи. Когда она учила солдат брататься с немцами, то обвиняла буржуазию в желании вести с ними войну, а теперь вынужденная на отчаянную и безнадежную оборону обвиняет ту же буржуазию в сочувствии немцам.

Издыхающая гадина перед смертью еще напакостит.

21 февраля

У всех, кого встречаешь, подавленное состояние духа. Катастрофа настолько велика и скоротечна, что сейчас невозможно окинуть ее одним взглядом и отнестись к ней определенно. Все происходящее так подавляет, что оценка и отношение к нему меняется, иногда несколько раз в день.

Разговор на улице: А я им и говорю: вы что же это комиков вытворяете? Я буду стоять на карауле, а вы чаи распивать?

22 февраля

В гражданской войне, провозглашенной и углубляемой революционерами, погибнет вероятно больше людей, чем за все время войны от боевых действий и болезней.

Те самые люди, которые полгода назад кричали истерично: долой смертную казнь, теперь применяют ее повсюду; чуть не каждый декрет кончается угрозами «вплоть до расстрелов включительно». Это готтентотская мораль: если ты меня съешь, это – зло, а если я тебя съем, это – хорошо.

Революционная демократия типа Керенского – Церетели теперь может видеть, к чему ведет их мнимая гуманность и во что она обойдется народу.

Революционная демократия, вернее – революционная интеллигенция, молчит, подавлена и совершенно, по-видимому, разбита большевиками.

Уличная толпа относится в возможному приходу немцев тупо-равнодушно. Не заметно ни оживления, ни печали и не слышно почти разговоров. С Брянского вокзала по Арбату непрерывно проходят солдаты, бегущие с фронта.

25 февраля

Газетные сведения крайне скудны. С юга почти нет никаких известий. Где австро-германские войска и продвигаются ли они, неизвестно. На севере, по-видимому, наступление остановлено, что это значит, понять нельзя. Мне почему-то кажется, что немцы не занимают Петроград потому, что еще не исправили и не наладили движение по 2 магистралям, соединяющим его с югом. Анархия и разруха внутри страны быстро увеличиваются, и положение становится все более и более грозным. Надежды на спасение своими силами нет никакой. В это никто не верит. Все беспомощно разводят руками и фаталистически ждут – будь, что будет. Между тем своевольство черни становится день ото дня гнуснее и безобразнее. Кажется, будто мы быстро минуем даже коммунизм и погружаемся в хаос.

Недовольство «таким» строем растет в широких кругах населения, но что может сравниться с беспомощностью и рабьей покорностью русского мужика и мелкого городского собственника? К тому же он еще догладывает кости, которые ему бросила революция.

Отвратительное зрелище. Самое пылкое воображение не могло представить себе такого колоссального расхищения государственного и частного достояния, которое сейчас происходит. Даже народные комиссары вынуждены признать, но не могут конечно бороться, безобразное расхищение убегающими со службы солдатами и матросами казенного имущества.

3 марта

...Революция, в лице большевистского съезда, подписала себе сегодня смертный приговор. Ленин с товарищи б. м. спасли на время свою власть, но ничего больше. Непонятно, что они проигрывали и что изменилось бы, если бы они не одобрили мирного договора. Германия все

равно займет всё, что ей нужно и что намечено. Неподписание договора было бы ей вероятно невыгодно, т. к. втянуло бы в борьбу с шайками партизанов и завлекло туда, куда ей пока выгоднее не идти. Подписание договора нисколько не прекращает войны или вернее оккупации России австро-германскими войсками. Т. о. это – или верх глупости или прямое предательство. Передышка, о которой говорил Ленин, в лучшем случае пригодится только для того, чтобы увезти подальше запасы золота, которое может быть употреблено для разведения пожара мятежей в других странах.

4 марта

Творцы и люди вообще высшей культуры должны думать о создании своего интернационала! Как ни велико и многообразно национальное различие между представителями разных народов, как ни несомненны различия и противоречия классовых интересов, они прямо ничтожны в сравнении с бездной, которая отделяет меня от дикаря – от крестьянина, который режет дорогой племенной скот на мясо, портит сложные и дорогие машины для того, чтобы утащить несколько нужных ему гаек или кусков меди, делит по душам или просто сжигает библиотеки книг, которые он никогда не прочтет и не поймет; от солдата, который разбивает винный склад и гибнет от опоя, от хулигана-горожанина, который портит и расхищает всякое не принадлежащее ему имущество, как казенное или городское, так и частное.

5 марта

Взял в руки с некоторым пренебреженьем книгу А. С. Шмакова: «Международное тайное правительство», но с первых же страниц заинтересовался. Во всяком случае, прочитав страниц 50, я вижу, что это не такой легкомысленный и легковесный публицист, как это с презрением и пренебрежением изображала его наша либеральная печать. Собрано множество интересных фактов и мнений, которые не только интересно, но даже необходимо знать нам, русским, при нашем поверхностном и легкомысленном либерализме.

17 марта

Сегодня после разговора с В. М. Хвостовым, который был у меня с ответным визитом. Я опять вернулся к мыслям о причинах нашей катастрофы и о будущем. Как хотелось бы заняться обработкой их и собиранием материала, но сейчас это кажется почти невозможным. Буду записывать отдельные мысли и делать выписки.

Одной из главных причин, почему Россия оказалась колоссом на глиняных ногах, который так неожиданно для многих пал с такой сказочной быстротой, мне кажется то, что мы во время величайшего столкновения

народов оказались в положении народа еще не нашедшего своей территории. То есть: мы расползлись по огромной территории, не встречая до недавнего времени на своем пути сильных соседей-врагов, растаскивали, а не накопляли хозяйственные и духовные свои богатства, и истощили основное ядро государства – великорусскую ветвь славян – на поддержание колосса на глиняных ногах. Не прихоти и честолюбие отдельных правителей и их советников побуждали государство к расширению границ и к захвату новых земель. Конечно, в истории можно указать отдельные случаи, когда государи совершали ошибки в этом вопросе, руководились честолюбием или другими негосударственными соображениями, но в общем в этом многовековом расширении была своя логика, какая-то роковая закономерность и последовательность.

21 марта

Географическое положение Турции и в особенности ее столицы – Константинополя – было причиной того, что ее («больного человека») поддерживали международные соотношения и антагонизм западных держав и России. При других географических условиях это государство давно было бы вычеркнуто из числа независимых. России на это надеяться нельзя. По «свойствам» своей территории – огромной равнины с ничтожным количеством морских берегов – ей суждено быть или сильным самостоятельным государством или колонией такого же государства, не иначе как Германии, как самой близкой и сильной державы. Возможные столкновения с Англией из-за Мурмана или Закавказья или с Америкой из-за Сибири вовсе не столь значительны, чтобы спасти самостоятельность, хотя бы неполную, России, если она сама не найдет в себе сил, чтобы отстоять ее. Это не значит, что те или иные международные соотношения были для нас безразличны, но это значит, что на них не следует возлагать надежды.

Finis Moscoviae! Помимо целого ряда других обстоятельств возвращение утраченной независимости становится чрезвычайно трудным, если не невозможным совсем, вследствие современной военной техники.

27 марта

...Занятие Москвы поляками в 1611 г. вызвало сильное национальное и религиозное движение, которое спасло московское государство. Теперь разгром всего государства и порабощение, весь смысл и значение которого народ скоро поймет, но мог хотя смутно предвидеть сейчас, не вызывают национального чувства! Имущие классы и интеллигенция настолько подавлены террором черни и хозяйственной разрухой, что потеряли совсем дух и веру в Россию, а многие готовы даже приветствовать приход немцев. Рабочие еще дограбливают имущих и государство и пока, в общем, довольствуются этим. Крестьянство вцепилось в землю, принимает по

мере возможности участие в грабеже и довольно обилием денег, настоящую цену которым оно скоро узнает. И те, и другие рады, что сбросили с себя повинности и налоговое бремя, которое на них налагало государство. И те, и другие совершенно не понимают, какое колоссальное расхищение общенародного достояния всех видов произвела и производит революция. Труд и кровь десятков поколений пущены на ветер, разграблены и отданы немцам. Такого быстрого и огромного крушения не предвидели даже самые мрачные пессимисты и враждебно относившиеся к России немецкие писатели. И все эти разрушения мне представляются почти совершенно непоправимыми. Если война окончится победой Германии, то она не даст нам «передышки», не позволит образовать нам сколько-нибудь сильную армию и приготовить для нее вооружение и прочее. Если же все кончится компромиссным миром, то и тогда никто, ни Англия, ни Германия, ни Франция не станут восстанавливать нашу развалину, т. к. это вовсе не входит в их интересы.

28 марта

Еще осенью многим интеллигентам, умеренно либеральным, из числа действительно образованных людей было совершенно неясно, что спасение России как самостоятельного государства, без монархии невозможно. Теперь за реставрацию монархии высказываются, пока в частных разговорах, даже радикально и социалистически настроенные интеллигенты. Так медленно движется политические сознание даже у лучших представителей образованного класса. Я думаю, что это прояснение сознания – запоздало. Теперь и восстановление не спасет Россию. Аппарат управления разрушен так основательно и экономическая разруха так велика, что строить надо все наново. Между тем война истощила народное хозяйство, утомило население, а революция с ее анархией и разрухой окончательно добили его. Не знаю, помогла бы теперь военная диктатура, если бы таковая установилась каким-нибудь чудом. Еще 2–3 месяца господства черни и большевиков доведут народ до такой степени прострации, что он станет легко и удобоваримой пищей для всякого эксплоатататора, который будет в состоянии держать палку, тем более для германцев. Германия теперь, несомненно, уже не поддерживает большевиков деньгами, военнопленными и другими средствами, т. к. они ей уже не нужны, и предоставляет нам продолжать разлагаться. Вероятно, они уверены, что никакого «оздоровления», реакции, подъема национального сознания и т. п. естественных в здоровом и сильном народе выводов и течений не будет. Дело заправлено так хорошо, что может быть предоставлено собственному течению.

Я никогда не был заражен народническими иллюзиями и идеалами, всегда считал их ошибочными, а частью фальшивыми, поддельными, основанными на незнании жизни вообще, и народной в особенности. Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более, чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т. е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом. Если бы не мировая война, то м. б. еще десяток – другой лет недоразумение осталось бы невыясненным, но конец в общем можно было предвидеть. Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов и поддерживал ее выносливостью, плодливостью и покорностью, а не способностью прочно усваивать культурные навыки, вырабатывать свое право и строить прочные ячейки государства. Выносливость и покорность ему пригодятся и впредь, чтобы плодиться, придется, пожалуй, отправляться в Сибирь.

5 апреля

Еще несколько дней без просвета и проблесков лучшего будущего. Приятельские отношения советской республики и Германии окончательно испортились. Германия, очевидно с умыслом, не берет на себя почина в разрыве, но одновременно выполняет свою программу брестского мира по всем статьям, ставя совреспублику перед выбором – или последовательно сдавать по договору Россию, или взять на себя почин открытого разрыва, т. е. стать нападающей стороной без всяких средств вести борьбу. Попытка союзников завязать сношения с советскими правителями и «охрабрить» их, если употребить выражение XVII в., на борьбу с Германией грубо ошибочно и основано на полном непонимании русских дел и современного состояния России. Разграблением государственного и общественного имущества и разрушением всей хозяйственной жизни большевики в сотни раз больше способствуют завоеванию России Германией, чем могут повредить ей своею существующей и проектируемой революционными армиями.

Спартанцы при воспитании юношей применяли, говорят, такой прием: чтобы вызвать у них и выработать отвращение к пьянству и к пьяным, они напаивали илотов и показывали зрелище пьяных рабов своим воспитанникам. Неизвестно, в какой мере Германия способствовала опьянению илотов русской революции, но несомненно, что весь культурный мир смотрит и будет смотреть на них с отвращением и презрением и будет поучаться подобно спартанским юношам. Роль Германии, впрочем, не следует преувеличивать. Спаивание илотов начала просто-интеллигенция, затем оно было возведено в систему и усовершенствовано революционной интеллигенцией и наконец доведено до исступления большевиками.

10/23 апреля

Сегодня ко мне приходил Andre Mazon. Говорили, конечно, о современном положении. Главным вопросом было отношение различных слоев русского общества к немцам, по теперешней терминологии – немецкая ориентация. Для союзников это теперь очень больной вопрос. Я указал на отношение низов, черни городской и деревенской. Она, как было, пойдет туда, куда ее погонят палкой и будет уважать эту палку. По поговорке – у хорошего хозяина и скотине хорошо. Немцев они, несомненно считают хорошими «хозяевами», а союзников знают в этой роли мало, так как последние к тому же далеко. Средний торгово-промышленный класс больше всего жаждет порядка и готов пойти (отчасти как это было и до войны) в клиенты к немецкому капиталу. Высшие, наиболее просвещенные, «гоноровый» торгово-промышленный класс колеблется или, вернее, распадается на сочувствующих и не сочувствующих. Первые – те, кто утратил веру в возможность побороть большевизм своими средствами. С одной стороны – разорение, террор и может быть даже смерть, в отдельных случаях, будущее без просвета, а с другой – полуразорение, экономическое порабощение, но при этом возможность существовать и работать. Противники немецкой ориентации надеются уцелеть от анархии и общего грабежа и частью из чувства национальной чести, частью из ясного предвиденья результатов немецкого протектората, хотят бороться до последних сил. Дворянство, по крайней мере в лице своих наиболее культурных представителей, никогда не пойдет на бесчестие и не пойдет навстречу германскому игу, хотя бы им было обещано возвращение его земель и хозяйств. Об интеллигенции говорить нечего. Она оказалась самым дурным слоем русского общества и в настоящее время совершенно разбита морально и политически. Все ее мировоззрение потерпело такое крушение, в сравнении с которым разруха торговли и промышленности и разгром частного землевладения – внешние факты. Вся ее «правда», все, чем она жила за последние 50 лет, уничтожены. Ореол мученичества сменился на клеймо предательства своей родины, и частью на клеймо лживого насильника, вместо высоких слов об альтруизме и самопожертвовании на благо народа – трусость, двоедушие, и неутолимая злоба вчерашнего раба, вместо высоких принципов народовластия – на деле демагогия и сплошной обман – самообман, обман низов и отказ от своих же принципов; наконец – демонстрация, к чему на деле приводят эти принципы, которые казались многим поколениям столь высокими и заманчивыми. Конечно, среди них много неисправимых идиотов, которые и после всего, когда итоги будут всем ясны, будут говорить, что их принципы и все мировоззрение хороши, не нуждаются даже в поправках и что все дело неудачи в том, что не так поступали, как их говорили, что Гоцлибердан сделал то-то, когда ему следовало не делать ничего, что вся беда, что N и X вовремя не голосовали вместе с Z и т. д...

Сегодня приехал гр. Мирбах. Своеобразный симбиоз Ленин и Компания, а рядом гр. Мирбах и Ко. И трогательно, и загадочно, и глупо, и вместе до мерзости плачевно.

11/24 апреля

Сегодня неприятный и беспокойный день. Явились 2 субъекта – поляк и еврей – якобы из Жилищной Комиссии для осмотра квартир и вселения в свободные комнаты. Вели себя весьма подозрительно. Поляк, на мой вопрос, как устраиваться выезжающим на дачу – тихо мне сказал: все устраивается: у нас все берут – нечего беспокоиться.

С евреем Гольдбергом поговорили на своем языке, пригрозили отнять у него комнату, занятую конторой, и кажется «столковались». Сегодня на заседании комитета говорили, что это проходимцы уже запримеченные. Но как отличить правоверных большевиков от таких субъектов, когда приемы и цели у них одинаковые, а всевозможные мандаты и удостоверения личностей легко подделать?..

15/28 апреля

Вчера приехал в Татариновку. Ехал в вагоне второго класса с выбитыми стеклами и поломанными дверями, без обивки диванов, с загаженным полом. Почти всю дорогу пришлось стоять. Публика совершенно «демократическая», т. е. местные крестьяне из мастеровых, ремесленников, мелких лавочников и т. п., выезжающих на свои «дачи» к празднику. Несколько интересных наблюдений. Многие читали газеты. Но это были «Свобода России», «Раннее утро», «Наше слово», хотя газетчик предлагал «Известия С. р. д.» и т. под. органы. Я один, кажется, во всем вагоне читал «Родину» и «Вперед».

У окна стоят два гражданина. 1-ый кричит в окно женщине: что, гражданочка, не попала (поезд отходит), иди к товарищам, они помогут. За пятый, ведь, номер голосовала.

2-ой гражданин: что, не за пятый? А за какой, за третий? Ну, и поделом тебе, оставайся в Москве. Обращаясь к 1-му – какая же разница? Все одно, что первый, что пятый. Сыграли на народе.

1-ый: и продолжают играть.

2-ой: сыграли и всю Россию разваляли.

1-ый: да, а теперь на заводах беспартийных пошло много... да поздно.

В последующем разговоре, в котором приняли участие и другие, ясно и определенно выразилось глубокое недоверие и отвращение ко всем без различия партиям.

В октябре, до большевистского переворота, я сказал А. Н. Сытину, что народ и вообще все русское общество никогда не простит революционной интеллигенции и особенно интернационалистам то, что они разоружили и предадут Россию на растерзание. Он горячо возражал и утверждал, что революция не разрушает армию и не предаст Россию. В последнем оказался правым я, что собственно уже тогда было ясно всякому разумному человеку. Слушая разговоры в вагоне, я увидел, что я был прав и в первом утверждении. Все с горечью и затаенной злобой приписывали всю вину революционной интеллигенции, и в частности большевикам, о том, что и их капля меда есть в этом деле, конечно, не говорят.

«Несомненно, что все русское общество... последние 20 лет переживало процесс глубокого разложения моральных, общественных и правовых понятий»

С. Б. Веселовский

Мысли и наблюдения 1918–1923 гг.

1. Из Дневника. 1918—1919.

> «Внутренний процесс, несомненно, идет, но крайне медленно, и идет определенно в сторону анархии, разложения власти... Беспорядок, голод, общее обнищание неспособны дать населению то, чего у него совершенно нет — самодеятельности и желания свободы. Насилию и анархии русское быдло может противопоставить только пассивное, глухое сопротивление, саботаж в истинном смысле этого слова».

29 декабря н. ст. 1918 г.

Мрачно, в подавленном состоянии духа готовятся москвичи встретить наступающие праздники. Магазины почти все разграблены и заперты. По карточкам почти ничего не выдают. Карточная система, в том виде, как она сейчас осуществлена, есть наглое издевательство над потребителем. Совершенно не важно, какова ее цель, «принципиальная» сторона – на деле она выродилась в захват накопленных и оставленных старым строем запасов с целью разделить их между «своими». Потребитель-некоммунист давно начал бы вымирать массами, если бы не имел возможности по бешеным ценам покупать у спекулянтов разные продукты. За последний месяц положение резко ухудшилось. Картофель трудно достать по 140 р. за пуд, а в рознице он стоит по 5–6 р. за фунт. В сентябре легко можно было доставать кусковой сахар по 20–25 р. за фунт; теперь трудно достать за по 60–70 р. Мясо – 35 р. за фунт, рыбы нет совсем.

Нет никакой возможности предвидеть, как, чем и когда кончится это безумие.

25 декабря (ст. ст.) 1918 г.

Пятый день я в Татариновке. Заготовляю дрова и читаю бездарного Ф. Меринга. По вечерам на кофейных мельницах изготовляем первобытным способом муку, из пшеницы и ржи.

Война, вызвавшая сильнейшее потрясение всех сторон хозяйственной жизни, вызвала, как обыкновенно бывает в таких случаях, и спекуляцию. Невежество населения в экономических вопросах, неумение разбираться в причинах явлений, а также присущая человеку зависть, в сильной степени способствовали преувеличенному представлению о размерах спекуляции. С началом революции демагогия, конечно, воспользовалась этим в своих гнусных целях разложения общества и государства. Травля действительных и мнимых спекулянтов получила величайшую популярность. Теперь, когда кончается второй год революции, можно ясно видеть, сколько преувеличения, лжи, самой гадкой демагогии и грабежнических инстинктов скрывалось под этим популярным лозунгом: души и грабь спекулянта. Никогда спекуляция, притом самая грубая и бессовестная, не захватывала такого множества людей, преимущественно из простонародья, как теперь. Сверх тех, кто спекулирует «между прочим», образовались целые кадры спекулянтов из лиц, лишившихся своих обычных заработков или бросивших свой труд, чтобы нарочно заниматься спекуляцией. На спекуляцию толкают не только многочисленные запретительные декреты и расстройство хозяйственной жизни народа, но и падение ценности бумажных денег. Бумажные деньги несомненно деморализуют народ не менее, чем организованный революцией общий грабеж.

27 декабря (ст. ст.) 1918 г.

По мере того, как рушатся одна за другой розовые надежды на освободителей извне, все более и более большинство, с кем приходится сталкиваться, начинает обращать внимание на внутренние процессы и возлагать надежды на них. Но каковы эти процессы? Это тем более неясно, что уже наш почти единственный источник осведомления – личное наблюдение в довольно ограниченном круге повседневных встреч. Мне кажется, что время массовых движений прошло безвозвратно. Революционное движение уже миновало эту стадию. Это, конечно, не значит, что не будет еще множества вспышек, но все эти вспышки, на почве голода, сбора хлеба и налогов и по другим поводам, являются агонией революции, а не самой революцией. Мне представляется, что они есть симптом разложения революционной власти, и в этом разложении будет состоять сущность процесса ближайших месяцев. Они не поведут, сами по себе, к реорганизации или к свержению власти, а подготовят почву для ее падения.

Суть современного положения сильно напоминает состояние Франции в последнее время перед 18 брюмера. Широкие массы народа утомлены революцией, утомлены и запуганы террором и совершенно изверились в

партии и вождей партий. Население городов сверх того изнурено и подавлено голодом. Если современное положение дел продолжится еще несколько месяцев, то и город, и деревня, после более или менее энергичных и многочисленных конвульсий впадут в полную прострацию. Крестьянство – единственный класс еще не истощенный вконец и не раздавленный революцией, совершенно беспомощно в политическом отношении, т. е. совершенно не способно на политическое творчество и на отстаивание своих интересов. При таких условиях на арене остаются только многочисленные, но небольшие шайки различных партийных оттенков. Борьба их между собой и будет составлять, поскольку она не будет обуздываться страхом удара извне, главное содержание событий ближайших месяцев. Гнетущую атмосферу создает удушение свободной печати.

Не знаешь, что происходит на Западе, на юге, на севере, в Сибири, даже в пределах советской республики, и в каждом номере Известий или Правды читаешь злобные, тенденциозные и лживые статьи. Когда не удержишься и прочитаешь очередной номер, то на целый день остается кошмарное, гадкое впечатление.

29 декабря (ст. ст.) 1918 г.

За последнее время я все чаще и чаще возвращаюсь к мысли об эмиграции. И до войны, еще с 1905 года, я постоянно тяготился русской действительностью и теми условиями, в частности, в которых находился ученый исследователь такого типа и душевного склада как я. Несомненно, что все русское общество, во всех слоях, уже давно, т. е. примерно последние 20 лет переживало процесс глубокого разложения моральных, общественных и правовых понятий. Это разложение, в связи с крайне низким уровнем культуры, делало по временам жизнь очень тяжелой. У меня никогда надолго не пропадало сознание, что условия жизни уродуют, угнетают и глушат развитие моего я. С величайшим трудом я черпал культуру из западно-европейских источников, вынашивал и выращивал ее в себе, но как только я выходил из дома и соприкасался с русскими людьми, их привычками, нравами и т. п., то тотчас замечал, как эти небольшие мои приобретения таяли и разлетались как дым. Не знаю, что мне давала среда, не могу этого уяснить себе, но что она обирает меня постоянно, это для меня было чувствительно. Несомненно, что значительную роль в этом сознании играли наши связи с французским московским обществом. Встречаясь с рядовыми французами московской торговой и промышленной колонии, которые у себя на родине едва ли могли бы составить вторые и третьи ряды образованного общества, я со стыдом за русских и с горьким чувством досады видел, насколько неизмеримо они выше нашего общества, даже первого ряда его. Тем более сильное впечатление производили на меня те немногие представители первых рядов западно-европейского мира, с которыми мне приходилось знакомиться. К

тому же годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса. Невозможно подсчитать и выразить в сколько-нибудь точных цифрах количество выдающихся людей чисто русского происхождения и смешанного или иностранного происхождения, но повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры. У нас еще 2 – 3 месяца срока, чтобы решить свои планы на лето, а следовательно и на следующую зиму. Б. и К. [Борис и Константин – братья историка] возлагают большие надежды на процесс внутреннего оздоровления. Я на этот счет пессимист. Внутренний процесс, несомненно, идет, но крайне медленно, и идет определенно в сторону анархии, разложения власти. В таком направлении и в таком темпе дело может тянуться годами. Беспорядок, голод, общее обнищание неспособны дать населению то, чего у него совершенно нет – самодеятельности и желания свободы. Насилию и анархии русское быдло может противопоставить только пассивное, глухое сопротивление, саботаж в истинном смысле этого слова. Неправдоподобно, чтобы мерзость, которая накоплялась несколько десятилетий, рассосалась и сошла на нет в один год.

12/25 января 1919 г.

Университетская церковь опечатана; служба была у Вознесения на Никитской. После службы, около часа, профессора начали собираться в профессорской для «беседы». Все сидели в шубах, галошах и шапках, т. к. температура – на нуле. Первым говорил вновь избранный ректор Гулевич, председателем был Савин. После них говорили: Кизеветтер, недавно освобожденный из тюрьмы, батюшка, Бахрушин, Грушко, Черниховский, Новиков и другие.

Никогда университет не встречал день Татьяны в такой обстановке. Говорили о внутреннем жаре, несмотря на низкую температуру, о вечности университета, выражали надежды на лучшие времена и т. п., но в общем, конечно, вид у всех был измученный и плачевный. Я не досидел до конца и ушел в Управление. Разруха, растерянность и апатия так велики, что не удалось устроить вечером вечеринки, хотя бы с пустым чаем и черным хлебом, в холодной квартире.

У нас в доме не топят пятый день, на дворе 14 градусов и так во многих домах. По вечерам улицы почти совершенно не освещены, из домов и магазинов тоже нет света, и во тьме возобновились грабежи и раздевания запоздалых пешеходов. Говорят, что на этих днях остановили в Сокольниках автомобиль Ленина, раздели его и отняли автомобиль.

---

2. Разгром Московского Университета в 1919 – 1920 годах

Будущие историки разгрома Московского Университета будут в большом затруднении, ибо участники этого происшествия (с обеих сторон) не оставили, быть может намеренно, письменных следов своей деятельности. Поэтому мои беглые заметки, написанные под свежим впечатлением, могут оказаться полезными будущим историкам нашей культуры.

В ноябре 1919 года совет Юридического факультета одобрил, с некоторыми поправками, проект реорганизации факультета, подготовленный в комиссиях. Почему проект своевременно не был передан в Совет Университета, мне осталось неизвестным. Странно также, что декан факультета Ив. Тр. Тарасов и сменивший его проф. Гидулянов не нашли нужным отвезти проект в Наркомпрос лично и передать Покровскому. На днях, кажется в пятницу, в газетах появилась заметка, что Наркомпрос заготовил и, кажется, даже утвердил (не помню) проект декрета об уничтожении Юридического факультета. В тот же день я говорил по этому поводу с Дав. Бор. Резановым, не зная, что он принимает участие в делах Наркомпроса по этому делу.

По просьбе Резанова я в субботу доставил ему копии факультетского проекта и объяснительной записки к нему. 30 декабря оказалось, что это было очень кстати, так как за день перед тем в Наркомпросе было совещание, на котором для дальнейших действий была избрана «тройка»: М. Н. Покровский, Д. Б. Резанов и еще кто-то.

На заседании факультета Тарасов и Гидулянов умыли, как говорится, руки и, понимая, что их политика оказалась негодной, свалили все дело на других – на Н. А. Каблукова, меня и секретаря Новицкого. Между тем оказалось, что факультетский проект Покровскому неизвестен. Кто был виноват в этом – не выяснилось. Я предложил Каблукову и Новицкому поговорить сначала с Резановым. Мое предложение было принято и оказалось очень кстати.

Резанов отнесся к нам очень благожелательно и назначил на следующий день у себя совещание. Было условлено пригласить также С. Н. Прокоповича

и В. М. Хвостова, как главных авторов проекта, чтобы осведомить и все разъяснить Резанову.

По моим впечатлениям растерянность и инертность профессуры были не меньше, чем невежество и вандализм реформаторов, в руках которых оказались судьбы наших университетов.

31 декабря состоялась часовая беседа с Покровским в Наркомпросе. Покровский дважды развивал свои мысли: поскольку мы уничтожили буржуазную печать, было бы непоследовательно сохранить Юридический факультет, профессора которого даже без намеренья бороться против социалистического строя тем не менее борются и ведут пропаганду. Ко мне приходили студенты, говорил Покровский, и выражали недоуменье, что на Юридическом факультете профессора читают лекции так и по таким предметам, как будто буржуазный строй незыблем, революции не было и нет, что старые отношения по существу будут существовать и впредь и т. д. Действительно ли студенты приходили к Покровскому и помогли ему своими жалобами четко формулировать его же собственные мысли – сказать трудно.

Далее Покровский говорил, что большевистское правотворчество (!) игнорируется профессорами-юристами и научно не разрабатывается, и т. п. Со свойственным Покровскому лицемерием он не решался сказать прямо, что университет и свободное преподавание наук несовместимы с диктатурой пролетариата, так, как он понимал эту идею Маркса. Во всех высказываниях Покровского я слышал ясно то, что ожидал от него услышать: полное непонимание культурной ценности науки и заученный «классовый» вандализм. Прикрываясь идеологическими соображениями, Покровский имел в виду произвести в первую очередь персональную чистку неугодных ему профессоров. Все его соображения, в прихотливых комбинациях, сводились к намеренью уничтожить два факультета Юридический и Историко-филологический. Чем заменить их, как и что делать дальше, это инициаторам погрома было так же неясно, как и в других областях большевистской политики разрушений.

На совещание большевики отрядили своих самых крупных орлов: Покровского, Волгина, Резанова и еще кого-то из Социалистической Академии.

Покровский упрекал профессуру в том, что ее политика была построена на расчете в скорое падение советской власти. В этом была некоторая доля правды. Но в это время не одни профессора не верили в долговечность большевистской диктатуры. Например, Резанов, уговаривая беспартийных идти на службу в Центрархив, говаривал: вы ничего не теряете. Мы скоро уйдем, и у вас в руках останутся все архивы и весь налаженный аппарат.

На соединенное совещание в 11 часов были приглашены: Н. А. Каблуков, И. Б. Новицкий, В. М. Хвостов, С. А. Первушин и я.

Непоследовательная, необдуманная и торопливая политика Наркомпроса в университетском вопросе несомненно проистекала от неуверенности в прочности господства Советской власти. После летних радикальных проектов и мероприятий Наркомпрос открыл доступ в университеты всем желающим, без всякого ценза, по достижении 18-летнего возраста. Помню, что некоторые профессора, и в том числе я, советовали Покровскому, если советская власть желает сделать высшее образование доступным самым широким слоям народа, организовать при университете особые подготовительные курсы. Покровский увидел в этом уловку классового врага пролетариата, чтобы помешать пролетариату овладеть командными высотами науки.

Это мероприятие Наркомпроса вызвало неописуемый беспорядок. Нахлынувшая в университет молодежь очень скоро убедилась в своей неспособности и неподготовленности слушать самые популярные лекции. Чтение лекций стало совершенно невозможным: недисциплинированные слушатели непрерывно задавали лектору вопросы и просили разъяснений по таким элементарным вопросам, что более подготовленные студенты не могли слушать лекций. Покровский спохватился и создал свои знаменитые рабфаки, с чего, конечно, следовало начинать. Теперь, в середине учебного года, Наркомпрос затеял ломку всего строя и всего плана образования. Когда мы беседовали с Покровским, то слышали от него только обрывки мыслей и намерений, родившихся в удушливой атмосфере митингов, партийных склок и неутолимой злобы людей, знавших о науке и об университетах только понаслышке.

На Новый год в Главном Архивном управлении, в 11 часов, состоялось совещание. От профессуры были указанные выше лица. От Наркомпроса и Социалистической академии были: Покровский, Резанов, Волгин, Удальцов, Богданов и еще кто-то мне незнакомый. Во время совещания Покровский, между прочим, откровенно заявил, что он намеренно не пригласил ни одного юриста от Соц. академии, так как юристы, даже из Соц. академии, стали бы защищать юридические дисциплины и кафедры.

Для характеристики создавшегося положения стоит отметить заявление Покровского, что из бывшего Юридического факультета сохраняются кафедры, которые причисляются к Историко-филологическому факультету. А в дальнейшей беседе Покровский сказал, что уничтожение последнего факультета уже предрешено и вскоре будет проведено в жизнь. Итак, весь строй и планы преподавания подвергаются дважды коренной ломке.

По словам Покровского, предполагается к 15 января (!) разработать и закончить план организации ФОНа – факультета общественных наук, в который войдут остатки юридического и исторического факультетов. При такой скоропалительности произвести выборы было невозможно. Да это и не имелось в виду, так как все дело было в персональной чистке неугодных людей.

Собственная программа Покровского и его сподвижников, набросанная на лоскуте бумаги, представляла наивную и тенденциозную смесь разных предметов и была более похожа на постановление митинга гимназистов или полуобразованных интеллигентов. Это программа школы пропагандистов, обличавшая глубокое невежество ее авторов и полное непонимание культурной ценности науки и задач университетского высшего образования.

Общий смысл речей Покровского сводился к тому, что никакой возврат к буржуазному строю невозможен и немыслим, что наступило вечное царство социализма, что буржуазное государственное и гражданское право поэтому никому теперь уже не нужно и даже вредно, так как мешает правотворчеству победившего пролетариата. Кому нужны все эти россказни о буржуазных конституциях и Государственной Думе, когда – «вся власть советам». Кому нужна история Русского права, когда пролетариат призван творить новое, свое собственное, а не продолжать буржуазное право.

21 февраля было очередное заседание совета Юридического факультета. Прокопович сообщил о представлении им Покровскому списка профессоров и преподавателей. Но утверждения и устранения тех или иных лиц те же, что были при Кассо. Тот же дырявый Тришкин кафтан, только вывернутый наизнанку. Экономист Б. Кафенгауз вызвал возражения со стороны Рыкова, так как его курс неудобен и враждебен советской политике. В Социалистической академии читать его курс, по словам Прокоповича, изъявил намерение сам Рыков. Гидулянов и Тарасов устранены как черносотенцы. А. Мануйлов и П. Струве неприемлемы как явные враги Советской власти и т. д.

Затем обсуждался, по предложению Наркомпроса, вопрос о подготовительных курсах для рабочих и крестьян и о средствах контроля занятий студентов. По мнению Наркомпроса, среди студентов, главным образом среди юристов, оказалось много лиц, записавшихся в студенты фиктивно, чтобы получить отсрочку в отбывании воинской повинности.

Нелепая история с «реформой» Юридического и Историко-филологического факультетов тянулась два с половиной месяца и вчера (14 марта) закончилась разрывом столкнувшихся сторон, по-видимому, окончательным. Очень жаль, что у меня не было времени описать хотя бы главные этапы этой характерной для современности истории, тем более жаль, что от нее не останется, как мне кажется, никаких писанных следов. Самые решающие минуты этой нехорошей истории состояли в переговорах и разговорах и не оставляли следов даже в кратких протоколах.

Последнее заседание академической и социалистической групп продолжалось не менее шести часов, три с половиной дня. Неизвестно, кому принадлежала неудачная идея собрать такое многолюдное, разношерстное и некомпетентное совещание. Возможно, что все было подстроено Покровским, чтобы скомпрометировать профессорскую группу в глазах его единомышленников и показать, что соглашательство с ними невозможно и бесполезно. По крайней мере, знаменательно одно из заключительных высказываний Покровского, что теперь у нас, т. е. у него, развязаны руки и мы знаем, что нам делать.

В профессорскую группу вошли: Иосиф Ал. Покровский, С. А. Котляревский, И. А. Ильин, я, Н. А. Каблуков, С. Н. Прокопович, С. А. Первушин, Каценелленбоген, Л. С. Таль, М. М. Богословский, А. Н. Савин, Д. М. Петрушевский, Р. Ю. Виппер. К ним прибавлены два «большевика» - Н. М. Лукин и Д. П. Боголепов.

В состав 15 человек от Социалистической академии входили: А. А. Богданов, Д. И. Курский, М. Н. Покровский, Д. Б. Резанов, В. П. Волгин, В. Н. Сторожев, А. Г. Гойхбарг, Осинский, Кузовков, Н. И. Бухарин и еще 5 человек мне неизвестных, так как они на совещании не были. Если бы они явились, то соц. группе было бы обеспечено большинство голосов.

Кандидаты от Соц. академии были следующие. Во-первых, несколько лиц из университетской среды, из которых большинство не только не давало согласия, но и не знало о своей кандидатуре. М. Н. Гернет, Д. М. Генкин, Н. Н. Полянский, Загряцков, А. А. Чупров, Н. А. Рожков, Н. М. Никольский, Ив. Д. Удальцов. За ними следовала разношерстная толпа товарищей, из которых некоторые, по признанию самой соц. группы, не только не имели научных трудов, но и вообще не печатали, по уважительным, конечно, причинам – эмиграция, ссылка, тюрьма и т. п. Например, ценз Лозовского ограничивался блестящим ораторским талантом и практической работой в подполье и за границей. Большинство кандидатов – более или менее грамотные публицисты, или даже просто хорошие товарищи. Кроме упомянутых выше, перечислю тех, кого мне удалось запомнить. Биркерт – многочисленные труды на латышском, немецком и голландском языках (позже о нем ничего не было слышно), Тарновский, Магеровский («перелёт», автор первого проекта реформы Юридического факультета, проекта настолько нелепого, что Соц. академия его отвергла), Адоратский (расстрелянный позже чехословаками в Казани), С. Н. Драницын, Суханов-Гиммер, затем Громан, Череванин, по-видимому, не знавшие о чести, которой они удостоились, Лозовский (Дридзо), мадам или мадемуазель Фалькнер Смит (счетчица – на кафедру статистики), Финн-Енотаевский, присяжный поверенный С. Б. Членов, Павлович-Вельтман, Ларин-Лурье, Авилов, Пумпянский, Двойлацкий, Херасков, Попов и, наконец, знаменитый Стеклов-Нахамкес. Одним словом, это была внушительная демонстрация научно-революционных сил одержавшего победу пролетариата. Правда, здесь было немало, что называется, мертвых душ, но это обнаружилось много позже.

Профессорская группа удалилась для совещания в соседнюю комнату. Настроение у всех было весьма скверное. Нелепо было обсуждать предложенные словесно, без всяких материалов, кандидатуры. Оставалось,

как говорится, молча, скрепя сердце и зажав нос, проглотить. Профессора это понимали, но проглотить такую фигуру, как Стеклов, многие не смогли. После некоторых колебаний Стеклов небольшим большинством голосов был отвергнут. Голосовавшие за Стеклова говорили, что принят ряд лиц нисколько не лучше Стеклова, уступок сделано так много, что не стоит из-за Стеклова срывать все дело. Помню, что я высказал Котляревскому, Хвостову и Прокоповичу мнение, что Покровский, по моим наблюдениям, недоволен сделанными профессорами уступками, так как они обезоруживают его в глазах его единомышленников и мешают произвести задуманный им погром, и что отвод Стеклова будет Покровскому на руку. Пожалуй, последние сомнения были бы отброшены, если бы не торгашеское требование, осложнившее вопрос о Стеклове, по-видимому, по инициативе Осинского и Волгина. Нам было заявлено ультимативно: мы пропускаем 8 добавочных ваших кандидатов, а за это вы должны признать профессором Стеклова и за нами остается право выставить кандидатов на свободные 10–12 мест. Эта сделка была признана совершенно недостойной университета и неприемлемой. Когда разрыв выяснился, то Покровский в заключительном слове с удовлетворением заявил, что его предсказания (!) о бесцельности и бесплодности соглашательства с профессурой оправдались и что в разрыве виноват не он, а буржуазная профессура.

Ясно, что комедия выборов понадобилась Покровскому и его соратникам для беспроигрышной игры. Если бы соглашательство удалось, то они могли бы говорить, что состоялись правильные выборы, и использовать авторитет университетской среды, в случае неудачи соглашенья Покровский мог заявить всем, кто еще колебался, произвести вандальский погром университета, что с этими людьми каши не сваришь и у нас теперь руки развязаны для решительных действий.

15 марта 1920 г.

---

3. Из записей 1919–1923 годов

> «Почти все... находятся в состоянии какой-то безнадежности... Истощение и усталость так велики, что большинство даже не интересуется никакими политическими известиями и слухами. Еще такой год и от верхов русской интеллигенции останутся никуда не годные обломки...»

5 февраля 1919 г.

Вчера минула неделя, как умер Костя. Время идет быстро и однообразно. Вчера и сегодня немного выходил, а то сидел и сижу по целым дням дома и читаю. Вчера заходил к Д. М. Петрушевскому. Он терпеливо переносит все, сидит в пальто и картузе; уверенно говорит о неминуемой перемене декораций.

Я не жду такого исхода. И мне дальнейшее представляется в виде разложения, то медленного, то более быстрого гниения.

Радужные надежды одних и горький пессимизм других сменились, как будто, у большинства какою-то тупой безнадежностью. Подлинные намерения союзников неизвестны, а то, что известно, вызывает только недоумение.

21 февраля 1919 г.

...Известия об отношении к Русским делам союзников отрывочны и сбивчивы, но в общем выясняется, что они нас «спасать», по крайней мере в ближайшем будущем, не будут. Вся надежда на процесс внутреннего оздоровления и на свои силы. Но эта надежда у всех, с кем приходится говорить, очень плоха. Все ходят мрачные, удрученные, почти в полной безнадежности и даже неохотно говорят о чем бы то ни было кроме как о продовольствии.

Странная, но понятная, в сущности, черта человеческой психологии. Первые удары действуют на психику сильно и вызывают сильное возбуждение; последующие, более сильные удары оказывают гораздо более слабое действие, и наконец за известным пределом даже самые сильные удары не вызывают почти никакой реакции. Два года тому назад небольшое сравнительно уменьшение хлебного пайка и увеличение на несколько десятков процентов цен на предметы широкого потребления послужили ближайшим поводом к перевороту, а теперь отчаянное положение

продовольственного дела, настоящий голод для значительной части городского населения вызывает только стоны и слезы на фоне общей прострации и безнадежности.

По временам теряешь совершенно надежду на сдвиг, поворот (о перевороте, который изменил бы положение сколько-нибудь быстро, теперь мало кто говорит), когда можно было бы уверенно сказать: вот началось выздоровление. Иными словами: надежда на кризис с благоприятным исходом сменяется представлением о последующей смерти. Хозяйственный строй производства и обмена, существовавший до войны, дал возможность размножения и существования известной массы народонаселения. Революция и гражданская бойня и анархия в правовых отношениях, которой они сопровождаются, совершенно разрушили весь строй производства и обмена. Теперь ясно, что мы расходуем последние запасы, последние крохи прежнего строя. Неизбежное последствие – вымирание значительной части населения, приблизительно до того уровня его (по численности), который будет возможен соответственно разрушениям в производстве и обмена. Большевистская анархия отбросила нас в производственном отношении и в обмене на несколько веков назад, ко временам варварства, и соответственно с этим на той же территории не может существовать прежнее количество населения. Особенно ясно это видно на городах, население которых вымирает и разбегается. Население Петербурга и Москвы убыло по меньшей мере на 50%. Другое явление – массовое передвижение населения, особенно городского, на юг.

Быть может муки голода, нужды в массе предметов массового потребления, страх смерти и сама смерть вызовут реакцию? Это большой вопрос. Ведь даже в лучшем случае после преодоления большевизма и установления хоть сколько-нибудь сносного порядка пройдет довольно много времени, пока удастся наладить производство, транспорт и обмен. Голод не будет ждать этого восстановления необходимых средств пропитания и не будет щадить. Таким образом и в лучшем случае вымирание части населения неизбежно.

25 апреля 1919 г.

С прошлого четверга я в Татариновке. Доехал с большим трудом. Беспорядок на железной дороге превосходит всякое описание. Мы вышли из дому в 1 час дня. До Зубовской дошли пешком, затем сели на трамвай. На Крымской площади трамвай стал, т. к. оборвались электрические провода. Пришлось идти пешком. В начале третьего часа дошли до вокзала. Я стал на площади в очередь «на выход», т. е. с билетом, а Женя стал в очередь у кассы, т. к. у него контролер разорвал обратный билет. Стоя в очереди, слыхал, что отбирание и уничтожение обратных билетов есть изобретение московских железнодорожных «властей» против так называемых спекулянтов. Последние, впрочем, быстро нашли противосредство – берут

2 билета, один в один конец, который у них отбирают при выходе, а другой – обратный, который прячут, чтобы использовать.

На площади я стоял в очереди в грязи и лужах нефти $3^1/_2$ часа. В очереди было около 1000 человек, не считая красноармейцев. Поезд состоял из одного вагона 3-го класса для советских служащих и 7–8 товарных вагонов. В них набилось народа по крайней мере вдвое более нормы, т. е. человек по 80 – 90. Многие размещались на буферах, а в Бирюлеве полезли и на крыши те, кто не мог сесть в Москве и пропустил уже несколько поездов. В Расторгуеве железнодорожная охрана стреляла по сидевшим на крышах. В вагоне, в котором я ехал, сначала была оживленная ругань между влезавшими и уже разместившимися, а потом всю дорогу – пошлые шутки, матерная брань и сальности. Мои соседи всю дорогу глупо по-детски и пошло вышучивали степного парня, лет 17. Ни слова возмущения и критики по поводу жел. дор. «порядков» я не слышал. Скоты.

Женя не дождался билета, пошел пешком до Бирюлева (16 верст) и там сел без билета на веневский поезд и пришел домой в 2 ч. ночи. В его вагон во время пути внесли два трупа. Красноармеец стрелял во время пути по крышникам и убил одного из них. Матросы и добровольцы из публики приняли сторону убитого, остановили поезд и избили до смерти красноармейца. Трупы были уложены в вагон, и поезд продолжал путь. Пассажиры, деятели и свидетели сходили на станциях, где кому следовало, а трупы ехали в Венев. Народный суд без всяких формальностей.

Невероятно до каких нелепостей дошла экономика от большевистской анархии. В Рязанской губернии уже давно нет соли; за 3 – 4 фунта соли там дают пуд муки или круп. Служивший у нас осенью парень, рязанец, привозит к нам $^1/_2$ пуда ржаной муки и 5 ф. овсяных круп. За это он получает за муку по 15 р. за фунт, а за крупы по 16 р., всего 380 р. Дорога ему стоила 60 р., т. к. билета ему не дали, а за проезд от Раненбурга без билета с него взяли установленный железнодорожниками штраф – 60 руб. От нас он проехал в Москву и купил там 10 ф. соли по 30 р. за фунт, на Сухаревке. Обратный проезд ему будет стоить еще 60 р. Таким образом фунт соли обойдется в 42 р. Спекулянты нашей местности делают приблизительно так. Скупают что-либо на месте, например перед Пасхой творог, по 40 р. за фунт, и везут в Москву. В Москве к Пасхе творог дошел до 90 р. за фунт. Таким образом на пуде, что провезти легко, они зарабатывают более 1500 руб. На эти деньги покупают соли, материй, мыла и т. п. и едут в Тамбовскую или Рязанскую губернии. Там меняют свои товары на муку и везут ее в Москву.

За 50 ф. соли (по 30 р. фунт) они могут получить по крайней мере 10 пудов муки, которая в Москве стоит около 800 р. за пуд При таких условиях, даже, если из 3 поездок одна будет удачной и спекулянт не будет ограблен заградительным отрядом, то стоит рисковать. Трата времени и опасность для здоровья конечно не считаются. Этим скотам ничего не

стоит ездить в скотских вагонах, проводить в них, не вылезая, по несколько дней и спать в грязи на площади перед вокзалом. Если бы не было этих скотов, то правда, что Москва еще более страдала бы от голода, но с другой стороны, если бы они не были скотами, то разруха не дошла бы до таких безобразных пределов.

Никакая биржа в мире не развращала и не развращает так массы населения, как большевистская анархия и безобразный выпуск миллиардов бумажных денег.

10 апреля 1920 г.

Смерть делает свое дело. За последнее время умерли И. А. Покровский, приват-доцент психиатр Рыбаков, Д. В. Цветаев, Н. Каблуков, С. Н. Булгаков. С апреля количество усиленных пайков увеличивается, но пока дойдет до того, чтобы давать его всем ученым, большая часть перемрет. Истощение постепенно подрывало силы и в дальнейшем результаты его будут сказываться еще сильнее. Особенно пострадал от смертей и террора юридический факультет. Мануйлов, Новгородцев, Струве и Гензель бежали, Хвостов повесился, Тарасов, Филиппов и ряд других выброшены за борт, Покровский и Каблуков умерли. В Архивах то же опустошение. В Архиве Иностранных дел из старого состава умерли: С. А. Белокуров, его брат Н. А., А. В. Лопухин, а недавно Н. В. Рождественский. В Архиве Юстиции до Д. В. Цветаева умерло тоже несколько человек: Беляев, Соколов и другие.

Поучительно будет со временем издать книгу небольших некрологов ученых, писателей и вообще людей мысли. Будет хороший памятник социальной революции...

17 апреля ст. ст. 1920 г.

Вчера вернулся из Москвы. Видел многих профессоров при получении профессорского пайка. Как похудели, постарели, осунулись! У некоторых вид совершенно разбитых людей, ходят как тени. Особенно тяжелое впечатление производит старик Филиппов, у него за зиму умерли жена и сын. У него вид совершенно разбитого, изнуренного старика, дни которого сочтены. Второй такой зимы он не перенесет. А. А. Грушко поседел и похудел, но сравнительно с другими, очень бодр. Лучше, чем зимой, вид у Любавского, на которого свалилось столько бед...

Почти все, с кем пришлось говорить, находятся в состоянии какой-то безнадежности. На улучшение в ближайшем будущем никто не надеется. Истощение и усталость так велики, что большинство даже не интересуется никакими политическими известиями и слухами. Еще такой год и от верхов русской интеллигенции останутся никуда не годные обломки...

До чего измучились и изголодались люди! У лавки, бывшей Бландова, на Петровке я стоял в очереди за профессорским пайком. Нужно было

видеть, с какой нервностью и нетерпением ждали очереди, переспрашивали друг друга что и как дают, с какой лихорадочной поспешностью укладывали и уносили полученное, не веря своему счастью, как бы боясь, что кто-нибудь отнимет!.. У стоявших около прилавка загорались глаза при виде больших кругов масла, бочек простых селедок, мешков плохой муки и прочих давно недоступных товаров..

Женщины относились спокойнее, и укладывали полученное быстро и умело, но беспомощные ученые дрожащими руками, торопливо и бестолково укладывали селедки вместе с мукой, постное масло в мешок с крупой и т. п. Старик Филиппов пришел со своей сильно похудевшей слабой дочкой, забыл свою палку и повез паек на другой конец Москвы на маленькой, самодельной тележке. Другие увозили свою добычу в детских колясках, тачках и т. п. Н. И. Шапочников понес один на спине 2 с $^1/_2$ пуда!

Голод гонит из Москвы не только «буржуев» и интеллигентов, но и простонародье. Города утрачивают свое значение торгово-промышленных центров.

8 ноября 1921 г.

Давно не писал. За последние полгода много работал на огороде и в поле и много читал.

Мы живем тихо, однообразно, без волнений в настоящем и без надежд в будущем. Теперь, кажется, уже никто не надеется на близкие перемены, на быстрое улучшение жизни. Все как будто примирились с нищетой и с беспросветным однообразием. Деморализация и развал достигли пирамидальных размеров. Никто не поверил бы несколько лет тому назад, что взяточничество, всевозможные хищения, воровство и развал, а также бездействие и небрежность на службе, могут вообще достигнуть таких размеров... Здесь, в провинции, мелкие советские служащие – работники, получающие жалование и паек, едва достаточные чтобы не умереть с голода, пропивают и проигрывают в ночь по 2 – 3 лимона (миллиона) по теперешнему жаргону... Дошло до того, что ни одно учреждение, организация или частное лицо – не может обойтись без взяток. Чтобы получить из кассы деньги, нужно уплатить служащим 5—10 % получаемого. Кто не платит или не может платить, тот месяцами не получает своих денег.

(История одного детского приюта)

28 марта 1922 г.

Детские приюты в Серпуховском уезде, вероятно как и в других местах, ликвидируются. После Пасхи ликвидируется приют, переведенный $1^1/_2$ года тому назад в дачу сестры; сирот увозят в Серпухов (вероятно в какую-нибудь усовершенствованную морилку), а прочих детей возвращают родителям и родственникам. Хороша история этого приюта. Перед войной

евангелист Ф. Савельев купил при с. Татариновке дачу с 14 десятинами земли. Уже во время войны он приютил у себя, не имея собственных детей, несколько сирот евангелистов. При Временном Правительстве их было человек 12. После большевицкого переворота первое время его не трогали, и крестьяне относились к нему очень хорошо, чему немало способствовало то, что он их задабривал конфектами и макаронами с своей московской фабрики. Затем, когда Савельев был ограблен дочиста и когда ему грозило, с другой стороны, изгнание из имения, он обратился в Серпуховской отдел социального обеспечения принять его приют под свою защиту. Отдел социального обеспечения взял приют в свои руки и начал хозяйничать. Во-первых, прислал в воспитательницы полуграмотную коммунистку, а во-вторых – начал переполнять приют детьми разных возрастов, набранных где попало. Савельеву определили заведывание хозяйством приюта. Понятно, что такое сожительство яркого сектанта с разнузданной коммунисткой не могло быть продолжительным. Евангелисты, спасая своих детей от морального растления, взяли сирот-евангелистов. Вскоре затем Савельев был уволен и изгнан из своего дома, чуть не в одном платье. В приют была назначена Елизавета Ивановна Бадеева, бывшая прачка, а в приюте было в это время около 60 детей. Приют был страшно переполнен, дети часто там хворали и голодали, а порядки или, вернее, беспорядки и воровство были такие, что даже непритязательные граждане Советской Республики качали головами и разводили руками.

Е. Ив. Бадеева заслуживает портрета в галерее волостных работников Сов. Республики. Выше среднего роста, немного худая неврастеничная женщина с злыми бегающими глазами, избегавшими смотреть прямо. Нервно покуривая папиросу, с ногой, заложенной на ногу, она говорила мне при первом знакомстве такие вещи, которые даже нервные люди предпочитают говорить хорошим знакомым, а нормальные люди не говорят вовсе. Да, мы теперь хозяева! Наше дело гибнет, я это вижу и понимаю, ну, да мы отомстим вам, буржуям и образованным людям. Я не про Вас говорю. Вы и Ваша сестра всем известны и не виноваты. Я Вас жалею и не желаю зла. А уж как я зла (при этом ее всю передергивало) на богатых людей. Что такое я? Дочь прачки и сама прачка, с 12 лет проститутка. Я знаю, какая нам цена. Мы были нищими, и останемся нищими. Мы тонем, наше дело гиблое, ну, да и их мы всех изведем и утопим.

Не имея никакого образования, она так понимала свою задачу. Будь проклят этот приют, продуктов не дают, то навезут картошки или картофеля, а хранить негде, а то нет ни муки, ни соли, ничего. Вот нынешним постом 3 недели кормили детей одной свеклой. Дети паршивые, цынга, б-р-р... мерзость. А мне, вместо того, чтобы здесь за порядком смотреть, то и дело приходится ездить то в Серпухов, то за провизией, то с мужичьем ругаться, из-за подвод, из-за сена, за все, за все! Ах, эти мерзавцы и

негодяи мужики! С ними только и живешь в ладу, когда у голодных детей урвешь, да дашь им взятки, этим гражданам. Мое дело – лишь накормить как-нибудь детей. Где уж тут образование и воспитание. Я, да кухарка, да учительница – вот и весь персонал.

Вот, про меня говорят, что я ворую. А кто теперь не ворует? Были мы ворами, ворами и останемся. Только я у детей не ворую, и у господ белья никогда не крала. А у казны все воруют. При мне мать старуха живет; что же ей с голода помирать? Конечно, я кормлю ее из приютских харчей.

В таком же духе и тоне наш разговор, или, вернее, поток нервных и часто бессвязных фраз Елизаветы Ивановны, длился около часа.

Менее года хозяйничала Елизавета Ивановна, как в одну летнюю ночь приют сгорел до тла при весьма загадочных обстоятельствах. За день до пожара все дети почему-то были переведены с верхнего этажа в нижний и благодаря этому никто из них не пострадал. Пожар произошел от неизвестной причины и начался снаружи, с веранды. Вообще за недостатком керосина, по вечерам ламп вообще на веранде никогда не горело. Веревки у колокольни и сельского клепала были кем-то перерезаны, так что народ сбежался поздно, когда дом весь был в огне. Сама Елизавета Ивановна за день перед этим уехала по делам в Серпухов. Учительница говорила всем, что она выскочила в одной рубашке и на этом основании просила у начальства пособия, но крестьяне говорили нам, что она успела вынести все (не считая и детей), даже свое зеркало и коробку с пудрой.

Волостной Совет отнесся к этому происшествию с большим спокойствием, и прошло более недели, пока приехал член совета, чтобы произвести расследование. Елизавета Ивановна донесла в Серпухов, в качестве предположения, на Савельева, который за неделю перед пожаром приезжал за своими вещами в Татариновку. По ее догадке Савельев это сделал, чтобы приют убрали из его имения и ему можно было вернуться (у него оставалась еще большая изба и другие постройки). Савельева таскали из Москвы в Серпухов и, конечно, отпустили. Затем, неизвестно по чьему доносу, таскали в Серпухов на допрос В. С-ва, зажиточного крестьянина, который хранил вещи Савельева и был с ним в хороших отношениях. Некоторые крестьяне высказывали догадку, что все это было делом рук самой Елизаветы Ивановны. В разное время она получила очень большое количество провизии, между прочим такие дорогие вещи как манные крупы, белая мука, сахара и т. п. Из него многое было разворовано ею и ее приятелями, в том числе и кое-кем из членов Волсовета. Между тем из Серпухова была назначена «внезапная» ревизия, о которой она была предупреждена. За несколько дней перед пожаром, как нарочно, вся провизия, неизвестно в каком количестве, была перенесена при помощи нескольких крестьян, т. е. при благородных свидетелях, в дом и ...там вся сгорела.

Были и еще предположения. Савельев, опираясь на свои связи с сектантами, обратился к протекции Бонч-Бруевича и затеял дело, доказывая,

что выселение его было незаконно: 1) т. к. в участке было менее 20 десятин, 2) дача с землей принадлежали не ему лично, а были пожертвованы им еще до войны, евангелической общине, и 3) что он «трудовой элемент», а не паразит. Последнее подтвердили особым приговором крестьяне с. Татариновки. Революционный суд решил дело в пользу Савельева и постановил вернуть ему всю усадьбу и все движимое имущество и скот, взятые у него.

Между тем большая часть движимости, по заведенному порядку, была расхищена: одну лошадь загнали советчики, овец куда-то увезли, не то поморили, не то поели, мебель растащили – советчики в совете и по своим домам, а Елизавета Ивановна в Серпухов; она же прибрала к рукам белье, занавески с окон и ковры. Таким образом и Бадеева, и советчики были заинтересованы в том, чтобы замести все следы расхищения. Этим вероятно объясняется то, что следователи приехали месяца 2 спустя после пожара и, конечно, ничего не расследовали относительно причин пожара.

Интересна дальнейшая судьба усадьбы Савельева. Он с чисто сектантской настойчивостью 2 года судился с Советом и, несмотря на его сопротивление, вернулся наконец нынешней осенью в свою разоренную усадьбу. Пока ему вернули одну лошадь из двух, корову из трех и жалкие остатки мебели. Овец предложили получить в... Подольске! Он ездил туда, но там под каким-то формальным предлогом не выдали.

После пожара приюта у Савельева, в Серпухове решили перевести его в дачу Вари. После перевода в новое помещение Бадеева перессорилась с местными советчиками, и это было причиной ее падения. За последнее время в приюте был более приличный заведывающий и учитель, но в общем, все-таки состояние приюта было ниже всякой критики. Между прочим и здесь вся лучшая мебель расхищена и вывезена неизвестно куда. Канализация и прекрасный артезианский колодезь испорчены, посадки в плодовом саду и молодом парке частью поломаны, частью разворованы; здания без ремонта разрушаются. Теперь решено ликвидировать приют – поиграли и довольно.

[29 марта 1922 г.]

Интересна перемена в отношении крестьян к приюту.

Первое время после переворота приходилось нередко слышать от крестьян: господ теперь не будет, все народное, все наше; в домах и усадьбах помещиков и буржуев будут школы и приюты для наших детей. Эти радужные мечтания не омрачались мыслью о том, на чей счет будут содержаться эти школы и приюты. Напротив, было какое-то детски наивное представление, что приюты не будут им ничего стоить так же, как отнятые у владельцев усадьбы и дома.

Большевики первое время поддерживали в крестьянах, быть может намеренно, это наивное представление. Дома были захвачены со всей обстановкой, большею частью в исправном состоянии и в ремонте не нуждались. Правда, что сами постройки и мебель были приспособлены совсем на другие цели, но этим никто смущался.

Содержание детей и персонала служащих доставлялось из уездного города и не требовало от крестьян никаких жертв. Детей, сирот и не сирот, набирали где попало, даже у таких крестьян, которые могли содержать их сами. В народе ходили слухи о предположениях коммунистов отбирать всех детей у родителей и воспитывать их в приютах и детских домах. Правда, что это не нравилось многим крестьянам, уже начинавшим разбираться в том, что такое большевики, но на первых порах все это обещало широкое развитие приютского дела. Вызывающее безбожие воспитателей и служащих в приютах и царившая в них распущенность и беспорядок заронили первые сомнения в умы крестьян. Уже через полгода можно было видеть очень нуждавшихся крестьян, которые ни за что не согласились бы отдать своих детей в приют, из опасения, что их там развратят и сделают безбожниками.

Жертвы трудом и в другом виде, которых приюты вскоре потребовали от крестьян, быстро разрушили всякие иллюзии. Дело в том, что приютские служащие, как впрочем и везде у большевиков, были совершенно неспособны по своей нечестности, невежеству и непрактичности вести хозяйство. Все они лодырничали и воровали, хозяйство все разваливалось. Не накосили сено на лошадь и 3 коров, хотя приюту были отведены хорошие покосы, и совет заставил крестьян дать сено. Приютская лошадь от неухода и недоедания едва таскала ноги. И вот на три соседских деревни была возложена повинность возить приютских служащих, детей и провизию из Серпухова. Всё это сопровождалось, по заведенному большевиками беспорядку, насилиями и злоупотреблениями. Служащие брали подводы вовсе не по служебным делам. Т. к. никто не решался отдать свою лошадь в руки служащих, ездили всегда сами хозяева лошадей. А тут бывали нередко такие случаи. В неудобное для крестьян время вызывали несколько подвод в Серпухов (75 верст). Крестьяне приезжали в Серпухов, а их там задерживали, а не раз продуктов совсем не оказывалось, и их заставляли приезжать вторично. Несколько раз брали лошадь и у нас. Т. к. я не хотел посылать детей, а больше ехать было некому, то приходилось отдавать лошадь в руки Бадеевой. После одной поездки в Серпухов лошадь была возвращена вся избитая, с огромной раной от дубины на спине, с такой раной, которая не заживала два года.

За подводами и сеном пошли для крестьян другие напасти. То надо было возить дрова для приюта, то чинить мост и постройки и т. д. Между крестьянами и приютскими служащими началась борьба. Тщетно Бадеева раздавала влиятельным крестьянам взятки сахаром, мукой и т. п., тщетно грозили им всякими карами волсовет и Серпухов. Крестьяне исполняли все требования с промедлением, нехотя, кое-как. Приютским служащим

это было отчасти на руку, т. к. давало им основание сваливать в глазах начальства вину за беспорядки на крестьян.

Нужно отдать справедливость крестьянам: их сопротивление в значительной мере объяснялось совершенно безобразным ведением всего приютского дела. Занятий никаких в приюте не было. Детей только и учили петь интернационал и другие «похабные», по выражению крестьян, песни и богохульствовать. Дети нередко голодали, болели цынгой, паршой и жили в грязи, вшах и клопах. Дисциплины, конечно, никакой – дом свободного ребенка, о котором в своё время мечтали либеральные педагоги Москвы. Это, впрочем, не мешало Бадеевой и её помощникам тайком жестоко сечь детей за поступки, которые с ее точки зрения были предосудительными.

Помню такой случай. С отъездом в Москву Клары Павловны (жены брата Бориса, жившей у нас) приют остался без врачебного надзора, а между тем, еще при ней в приюте было несколько смертей от цынги, тифа и дизентерии. Начальство решило пригласить на службу, за добавочное вознаграждение, местного больничного врача Дурасова, старого земского работника. Дурасов, наслышавшись о беспорядках в приюте, решил осмотреть приют, прежде чем дать свое согласие и взять на себя ответственность. Приют в это время был уже в доме сестры. Осмотрев приют, он заехал ко мне.

– Послушайте, что у Вас тут делается? Вы знаете, что у Вас тут делается? – сказал он, входя ко мне, с большим волнением.

– Я сказал, что это меня не касается, я тут не при чем, не знаю, что делается в приюте сейчас, но знаю, что дела там очень скверные.

– Я вошел, – начал он рассказывать, – всё открыто, никого нет. В первой комнате на диване лежит какой-то мужчина в нетрезвом виде. Дети все на дворе; сказали мне, что заведывающая уехала – не то по делам, не то в гости; учительница ушла на деревню. В кухне нашел кухарку. Она грубо сказала мне, что делает свое дело, а больше ничего не знает и знать не хочет. – А кто [этот] мужчина, что лежит на диване? – А Бог его знает, мало ли их тут бывает. Вчера у Елизаветы Ивановны были гости. Должно кто из гостей заночевал. После этого я не счел возможным осматривать приют и детей, но проходя по комнатам, видел везде беспорядок и грязь. Что скажете? Ведь невозможно взять на себя ответственность за такой приют?

Я согласился и рассказал, что знал. – Что же мне делать? Серпуховское начальство требует ответа и грозит «мобилизовать» меня принудительно, хотя я не обязан. Быть может написать им доклад? Я заметил на это, что начальство прекрасно знает и Бадееву, и то, в каком виде находится приют, что тут не раз бывали следователи и из Москвы, и из Серпухова. Очевидно, что либо Отдел социального обеспечения не в силах

сделать что-либо, либо не желает. И в том, и в другом случае бесполезно их учить и говорить что-нибудь.

Кажется, что Дурасов все-таки написал резкий доклад и отказался наотрез. Тем дело и кончилось. Больных детей, в случае нужды, стали возить к нему в больницу (за 5 верст), к великому огорчению крестьян.

Между тем отношение крестьян становилось все более и более враждебным, и они мало помалу отделались совершенно от всяких повинностей. Приюту пришлось все покупать за деньги или менять на продукты и нанимать подводы и рабочие силы.

В таком положении находился приют, когда прошлым летом и осенью, под давлением нужды, большевики начали сокращать и ликвидировать свои учреждения. Теперь очередь дошла и до приюта.

В душе русского полуинтеллигента второе место после зависти занимает мстительная злоба. У Скитальца есть яркие проявления этой злобы.

«Я чувствую – во мне растет и зреет сила;
Чем больше я терплю, тем хуже будет вам!
Пусть света я лишен, но праздник ваш – могила:
На вас и на себя я опрокину храм,
Где к богу тьмы вы все сберетесь для молений,
И разом отомщу за долгий путь лишений!»

После увольнения Бадеева с своим помощником уехала в Москву и в настоящее время торгуют там в лавочке мануфактурой.

(Московские цены в 1922 году)

10 июня 1922 г.

Вчера вернулся из Москвы, где пробыл 3 дня. Получил в Университете 13,5 мил. рублей за апрель, и из Кубу 75 мил. за январь-март. Это – первый раз, что получил сразу значительную сумму. Вот как она была израсходована. Записываю, т. к. это характерно нашей жизни. (2 мил. было у меня)

1 пай и вступит. взнос в Кооператив Кубу	3.250.000
5 пудов соли бузуна	12.500.000
За выделку 4 кож, добавок к муке и соли деньгами	16.000.000
7 шт. воблы	2.100.000
2 ф. сахарного песку	2.200.000
1 ф. кофе	2.300.000
1 ф. колотового сахара (для Москвы)	1.300.000
1 лимон	700.000
резиновые каблуки к туфлям	1.200.000
2 куска простого мыла	1.800.000
1/4 ф. лимонной кислоты (для салатов)	1.500.000
	44.850.000

Привез домой на мелкие расходы	6.250.000
Дал Нине взаймы по случаю болезни Зинаиды Николаевны	10.000.000
6 билетов на трамвае	900.000
билет на железной дороге	1.200.000
2 ф. табаку I сорта	4.00.000
1 ф. табаку III сорта для Бори и Жени	1.200.000
50 грамм строфанта для Лены в Рославль	3.000.000
Коса	4.000.000
Борины билеты ж. дор. и трамвай	2.100.000
Проел в Москве за 2 дня белого хлеба	850.000
Налог в пользу голодающих	1.000.000
№ Известий	100.000
1 пуд черной муки в Кубу (долг Александре Васильевне)	5.000.000
1 ф. монпансье для детей (Кубу Кооператив)	1.400.000
Книг по истории революции в Госиздате	4.950.000
Всего	89.9 мил.

16 октября ст. ст. 1922 г.

За сентябрь и октябрь нов. ст. мы истратили около 3 миллиардов. Приход такой

За помидоры	около 350 мил.
Из Кубу	300 мил.
Из Университета	260 м.
За столовую: большой буфет, стол, 12 стульев и servant	1.500 м.
За кожаную мебель: диван и 2 кресла	1.000 м.
Продано мелких вещей	около 100
Всего	3.510 мил.

Из них получено 280 мил. золотыми по курсу (начало сентября) – 100 руб. за золотой. Они не истрачены и составляют запас.

Вот крупные расходы, которые помню.

За 5 саж. березовых дров в Коопертоп.	225 м.
Материалы для 3 печей, сложенных Женей: 250 шт. кирпича по 30 м. за сотню, трубы, по 4 м. за аршин, заслонки, воз глины (15 мил.) и т. п.	около 140 м.
	365
Нине в долг	100
10 п. ржи по 4,5	45
20 п. ржи по 5,5	110
6 п. муки по 6,5	39
5 п. муки по 12	60
20 арш. бязи у Журова по 2,8	56
25 арш. миткаля у него же по 0,8	20 м.

Копии, взятки, у нотариуса по бесплодной попытке получить обратно дом	52 м.
5 пар бусс себе и детям	125 м.
Туфли Вере Петровне	50 м.
Феклуше на платье и ее сыну на сапоги	130 м.
Севе и его жене на шитье платья	200 м.
Портному за шитье мне пары и 2 брюк Юре и Игорю	60 м.
Глебу башмаки (40 м.) и галоши	53 м.
Членский взнос в Кубу	5 м.
Мне 2 пары кальсон	20 м.
– « – вязаная рубашка и кальсоны	8 м.
Мне и детям 5 пар туфель в	35 м.
	1533 м.
В Цкубу 3 ф. какао	3,3 м.
— « — 5 ф. какао месяц спустя	7.5 м.
12 шт. ножей к безопасной бритве	6 м.
49 $^1/_2$ арш. полотна у Журова по 4 м.	198 м.
$^1/_2$ ф. табаку	7 м.
За квартиру, воду и электричество	около 40 м.
В школу за Юру и Игоря	34 м.
Севе на расходы по демобилизации	50 м.
При получении пайка в Университетете	5 м.
При получении пайка в Кубу	10 м.
Клейникову за переделку шапки Глебу	25 м.
Боре на штаны 1$^3/_4$ арш. черного сукна	56 м.
10 пар носков на всех про всех	30 м.
30 ф. подсолнечного масла по 1,8	54 м.
Жене на масляные краски	15 м.
20 ф. мыла для стирки по 0,8 в Цкубу	16 м.
6 к. туалетного мыла в ЦКубу	6 м.
$^1/_2$ ф. американского шоколада	4,5 м.
4 ф. конфект	3 м.
3 бут. американского сиропа	12 м.
	582,3
	1533
	2115,3
29 ф. керосина в Михневе, по 300.000	8,7 м.
2 электрические лампочки	3 м.
поездки в Москву (железная дорога и трамваи) мои, детей и Веры Петровны	около 120 м.
пара поросят для откорма	95 м.

Современный анекдот.

Советский «корреспондент», вернувшийся из Генуи, рассказывает своим соотечественникам.

Как же! Был у Ллойд-Джорджа. Он меня так любезно принял; вынул золотой портсигар и угостил папиросой. А на портсигаре у него награвировано: Ллойд-Джорджу от трэд-юнионов.

Ну, что ж, был и у наших делегатов?

Как же! Был у Раковского. Он меня очень любезно принял; вынул золотой портсигар, угостил папиросой. А на портсигаре у него написано: «Викуле Саввичу от благодарных рабочих». Тоже от рабочих!

Вокруг съезда III Интернационала в Петербурге. А! Янкель, тебя ли я вижу! Как попал в Петроград? – говорит старый сослуживец Янкеля в царской армии.

Янкель, боязливо озираясь? «Тс, тише. Я здесь не Янкель, а представитель аргентинского пролетариата на съезде Интернационала.

Как расплачивались в Генуе в ресторане представители разных держав.

Англичанин заплатил золотом.

Француз дал несколько бумажек.

Австриец подал кельнеру, вынимая из чемодана, целый ворох бумажек.

Русский запустил руку в карман и, вынимая горсть золотых и серебряных вещей, сказал небрежно кельнеру: выбирайте любую!

---

6 марта 1923 г.

По приглашению местного союза учителей прочитал в Михневе две лекции – о бумажных деньгах и о славянах и образовании Русского государства. Частных разговоров я с ними не вел, но из некоторых реплик понял, насколько они забиты, запуганы и замучены всякими лишениями. Они оказались между двух огней и попали в двусмысленное положение. Начальство находит, что они как беспартийные недостаточно преданы советской власти, а крестьяне относятся к ним недоверчиво, с опаской, как к советским работникам и сторонникам большевиков. За лекции получал натурой – буханками белого хлеба, колбасой Михневского производства и яйцами.

Не лучше дело и с бывшими земскими врачами: одни бежали в поисках лучшего места, другие – от преследований, третьи от развала всего больничного и врачебного дела, отсутствия лекарств, дров и других предметов для содержания амбулаторий и больниц.

Июнь 1923 г.

За недостатком других объектов разрядки революционной энергии Моссовет открыл поход на ученые общества. В январе выработанные уставы (переработка и пересмотр старых) не были утверждены. Обещанные новые уставы до сих пор были не выработаны, а теперь объявлено о закрытии ряда обществ – Археологического, Московского исторического при университете, древнейшего Московского общества Истории и древностей при Московском университете, Юридического общества. Мотивировка погрома ученых обществ самая нелепая, обнаруживающая большую некультурность. Например Общество истории и древностей имеет «кастовый характер, не имеет никакого отношения к Университету, хотя помещается в его здании, отвлекает профессоров от научной работы и т. п. Эта погромная выходка бывших охранников, примкнувших к революции, смущает даже самых правоверных большевиков.

При закрытии Археологического общества произошло курьезное недоразумение. Госпожа Равич явилась в помещение общества с представителем милиции для опечатанья имущества Главнауке. Председатель Общества вызвал представителя Главнауки, который разъяснил г-же Равич, что имущество Общества уже описано и взято на учет в Главнауке уже давно. Госпоже Равич пришлось ретироваться.

Позже, когда я был преподавателем в Институте народов Востока, я видел, какая участь постигла имущество общества. Библиотека была рассортирована (с классовой точки зрения) и расхищена. Ценнейшие отчеты о раскопках, с картами, чертежами и рисунками были свалены в беспорядке в темной комнате, без всякой охраны, и расхищались.

Проблемы нашей жизни

(события, семейная хроника, проблемы)

В. С. Веселовский

1. В Бутырской тюрьме
(3 – 11 сентября 1919 г.)

Острота впечатлений этого неожиданного и нелепого случая оставила во мне глубокий след. Вечером папа пошел к своему приятелю профессору Петрушевскому и сказал, что скоро вернется. Я раньше уже бывал там. Собиралась высококультурная компания. Папа играл в четыре руки на рояли. Мне больше всего нравились оперы русских композиторов. Папа не возвращался, и бабушка велела мне сходить за ним: это было близко, тоже на Плющихе. Когда я постучал в дверь, мне открыл парень в кожаной куртке. Я не сразу сообразил в чем дело: уж очень было неожиданно. Меня пригласили войти в столовую. Гости молча сидели вдоль стен. Была устроена засада, в которую уже попало человек 10. Меня обыскали. У хозяев тоже был обыск. Отобранные вещи складывали в большую корзину: рукописи, письма, царские ордена. Эту корзину так и не увезли. Ночью нас всех, кроме старухи-хозяйки, увели на Лубянку. Так называлось здание страхового общества Якорь на Лубянской площади. В нем помещалась Чека. Там нас заперли в пустой комнате: голые стены и затоптанный паркетный пол. Я постелил на пол газету и лег спать. На следующий день нас повели в Бутырскую тюрьму. Я был ошеломлен, к тому же не выспался. Но страха не было: слишком было нелепо. Из обалделого состояния я внезапно вышел, когда заметил, что прохожие смотрят на нас с любопытством. Вихрь романтизма захватил меня, и я начал позировать. Я выделился вперед и шел с высоко поднятой головой. Зрителям это заметно понравилось и вызвало досаду у конвоя.

Конвой состоял из прославленных латышских стрелков. Они с самого начала вошли в вооруженную силу, которую организовали большевики, чтобы подавить сопротивление населения. На них можно было положиться вследствие их недружелюбного отношения к русским. Им создали привилегированное положение, и они надолго остались в органах политической

безопасности. В Бутырке нас еще раз обыскали. У папы отобрали деньги, часы, портсигар, ключи. Но настоящих навыков в этом деле, видимо, не было, так как у меня не нашли карманный нож, который нам оказался очень полезным в тюрьме во время еды.

Отвели в камеру. Камера предназначена для 16 персон, всего же в ней было около 30 человек. Есть нам ничего не давали до следующего дня. Мне с папой досталась одна койка, и мы спали на ней по очереди. Нельзя сказать, чтобы здесь был суровый тюремный режим. Но отношение к нам было злобное, издевательское. В камере находились очень разные люди: офицеры, которых вскоре увели, как говорили на расстрел, самогонщики, воры-профессионалы, три профессора, несколько преподавателей, монгольский дипломатический представитель с секретарем-китайцем. Вскоре нас допросили. Вызывали по одному, в коридор. Подходя к следователю, я посмотрел на него с любопытством и довольно недружелюбно. Он это заметил. Но допрос был поверхностным и совсем не агрессивным. В конце следователь спросил меня, как отношусь к Советской власти. Я ответил, что считаю республику более совершенной формой, чем монархию. Этот ответ очень рассмешил профессора Богословского, попавшего в засаду вместе с нами. Но не мог же я сказать, что считаю Советскую власть пугачевщиной.

Через два дня нам доставили первую передачу: съестное и книги. Кормили в тюрьме довольно плохо: кусок ржаного хлеба меньше фунта и два раза в день водянистая баланда из капусты и картошки с маленькими кусочками сала. Вместо сала иногда вобла. Потом мы узнали, что передачу нам в тюрьму носил Бобка, пешком через всю Москву. Собирая еду, бабушка ему приговаривала: – носить надо чаще, но поменьше, а то они там всю Бутырку кормить будут. Я прочел несколько книг, которые получил в передаче профессор Богословский: записки какого-то иностранца при царском дворе в 18-м столетии, стихи Сюлли Прюдома. Секретарь китаец оказался веселым общительным малым. Он объяснил мне структуру китайского языка. Монгольский дипломат, высокий и худощавый, плохо говорил по-русски. Один из преподавателей прочел несколько лекций по истории французской революции.

Отчетливо запомнился прекрасный осенний вечер. Тепло, и окна открыты. Они выходили на небольшой тюремный двор. Начался настоящий концерт. Сначала пели хором тюремные песни. Потом начали выступать солисты. Прекрасно играл скрипач, отрывки из Шуберта. Он стоял у открытого окна своей камеры, напротив нашей, через двор. Потом пели. Особенно хорошо баритон из одиночки в дальнем конце двора. Его голос звучал, глубоко затрагивая душу. Надзиратели приказали прекратить концерт. На следующий день его расстреляли. Было расстреляно еще несколько офицеров. Здесь убивают людей очень просто, когда объявляют их элементами. Кто-то сказал: Это тебе не царский режим, когда с нашим

братом церемонились. Продержав две недели, нас выпустили. Уходя, мы оставили соседям остатки передачи и хлеб. Я отдал свой карманный нож. Отобранные деньги и вещи нам так и не вернули. Когда я вышел на улицу, то испытал особое чувство освобождения. Из тюрьмы мы отправились пешком к бабушке на Плющиху. Она рассказала о происходившем на квартире Петрушевского после нашего ухода. Засада сидела еще два дня и задержала еще несколько человек. В нее попала и бабушка, придя за нами на следующее утро. Ее оставили в квартире и никуда не выпускали. Всем было скучно, и начались непринужденные разговоры с чекистами. Им привезли хлеб и немного продовольствия. Бабушка тотчас занялась стряпней на всю компанию. Это ее любимое занятие.

О некоторых обстоятельствах и подоплеке проведенных в среде московской интеллигенции арестов рассказывают дневниковые записи тех дней, сделанные историком Ю. А. Готье:

«31 августа / 7 сентября 1919 г.

Провел четыре дня в Москве, где главным предметом разговоров и забот продолжают быть аресты, насчитывающиеся сотнями и тысячами. Насколько можно было ориентироваться в причинах их, они объясняются следующим. По слухам, идущим от Рязанова и Д. И. Ульянова, большевики напали на нити какого-то заговора или на нити сношений с засовдеповской Россией; вариант слухов гласит, что где-то в Москве нашли список кадетского правительства, которое должно было составиться в случае прихода Мамонтова; в состав его должны были входить Авинов, Леонтьев, Котляревский, как будто Чаплыгин. Говорили, что список нашелся не то у Щепкина, не то у кого-то из кадетов...

Как производились аресты и засады можно усмотреть из того, что Кизеветтер с женой пришли неделю назад к Петрушевским, и сейчас же (дело было в 6 часов вечера) вслед за их приходом (за ними, вероятно, следили) туда нагрянуло ЧК и арестовало гостей и хозяина. В этот вечер у Петрушевских должны были быть гости; пришел С. Б. Веселовский, с нотами, чтобы играть на рояле, и иностранной валютой в кармане — сцапали и его; потом пришла Р. П. Богословская, также попавшая в ловушку; наконец, во 2-м часу ночи, М. М. Богословский явился узнать, что сделалось с его женой, и был схвачен засадой. Такие засады были устраиваемы в домах очень многих арестованных. Богословский и Петрушевский, которые не принимали участия в политике (а М. М. даже и не кадет) будут на днях выпущены. Но лицам более крупным, особенно кадетам, будет выбраться гораздо труднее...»

Ю. А. Готье. Мои заметки / «Вопросы истории». 1992. № 4–5. С. 113–114.

---

2. Итог революции и гражданской войны

(Все это о Революции написано в 1922 г., когда основные результаты уже выяснились. Позже только несколько сократил текст и добавил о том, что произошло после – *В. Веселовский*)

Деятельность Ленинского правительства была сосредоточена на гражданской войне. Именно благодаря ей оно удержало власть, так как гражданская война дала выход бунтарской энергии темного народа. Той самой энергии, которая питала Стеньку Разина и Пугачева. Не будь этого выхода, она обратилась бы против власти, как это было с царским и Временным правительствами.

К тому же большевизм не пригоден для руководства мирной жизнью. После Революции наступила пугачевщина, т. е. продолжение бунта – «власть на местах» это и есть то, что в теории названо «диктатурой пролетариата». Социальные же преобразования, т. е. революция в собственном смысле, более чем сомнительны.

Гражданская война начата Октябрем. В 1919 г. она достигла громадных размеров. Это была война сторонников Ленина с крестьянами, а не с контр-революцией. Собственно говоря настоящей контр-революции вообще не было, так же как не было настоящей революции. Была борьба за власть, а не стремление восстановить дореволюционный строй. Был бунт, а не социальная революция.

Дальнейшая хозяйственная разруха, которая создала наибольшие страдания народа во время гражданской войны, вызвана не самой гражданской войной, а политикой большевиков. Уничтожение собственности, возведенное в государственную систему, привело к параличу в хозяйственной деятельности населения. На территориях, не занятых красными, продовольствие было в изобилии. Всенародный голод начался в центральных губерниях, в которых возникла советская власть. И только постепенно голод распространился к периферии на юг и на восток. На моих глазах обилие продовольствия за Волгой в 1919 г. сменилось страшным голодом как только пришла Красная армия.

И в войне с крестьянами Ленин потерпел поражение: вынужден был капитулировать – отказаться от марксистского большевизма и восстановить хозяйственную инициативу населения. Он запретил «революционный метод» и перешел к «новой экономической политике». Население

восприняло это как возвращение к нормальной жизни. И это было сильнее, чем Красная армия – НЭП положил конец гражданской войне.

Для программы СДП(б) гражданская война была побочным обстоятельством: в ее центре была мировая революция. Осуществление социалистического строя в России было на заднем плане. Первоначально оно представлялось очень просто, как бы само собой разумелось. Надежда на самопроизвольный социализм не оправдалась. Неожиданно народ оказал отчаянное сопротивление. Для подавления его Ленину пришлось создать чудовищный аппарат власти.

Идея о мировой революции импортирована из Западной Европы. Нет уверенности в том, что она имеет только сионистское происхождение. Но факт, что мировое общественное мнение было против интервенции в Россию. Однако мировая революция никак не хотела начинаться. Больше того, зловещими были провалы в Финляндии, Германии, Венгрии, Италии. Везде расплачивался темный народ, который подстрекали марксисты. Моральный протест против войны, а на деле национальные войны предлагают заменить более истребительными гражданскими войнами. Эти провалы сочли за временные неудачи и приступили к более основательной подготовке. В марте 1919 г. создан Коммунистический Интернационал как штаб мировой революции. Только позже наступило разочарование – мировая революция постепенно отодвинулась в неопределенное будущее. Устойчивый след от нее сохранился в гербе СССР – над земным шаром нависли серп и молоток.

* * *

Страшные бедствия причинила Революция: гибель миллионов людей, тягчайшие страдания всего народа, опустошения, обнищание... Как от вражеского нашествия. Но это сделали не враги, а сами. В братоубийственной гражданской войне погибло около 10 миллионов. А оставшиеся в живых – по официальным данным 135 млн. – претерпели неописуемые страдания и горе. Уже после гражданской войны погибло беспризорных детей около 5 млн. В Революции есть что-то патологическое. (Черт сейчас же напомнил: «Одно из возможных объяснений РСФСР – редкий случай феноменального сумасшествия России»).

Знаменитый врач и психолог Ламброзо первый взглянул на массовые события с точки зрения психопатологии. Он изучал психическую индукцию в толпе и на собраниях, возникновение коллективного психопатологического состояния под влиянием слишком сильных эмоций. При этом могут совершаться безумные разрушения, люди рвут на себе одежду и наносят себе увечия в приступе ярости. Вместо простых жизненных отношений к людям, на них смотрят через очки чужих идей. Отсюда в коллективе разрастается бред буйно помешанных, мания преследования, везде мерещатся враги и посягательство на права.

В нормальное время убийство было редким и необычным явлением. Революция сделала его обычным. Какой-то скачок в первобытное состояние. И ведь не только убивают, но и садистски истязают.

Да, страдания русского народа неисчислимы. Но в них большая часть вины его самого. Большевики ничтожная часть народа. Их слишком мало для того, чтобы причинить столько зла и такое разорение. В темном народе пропаганда социализма преломилась как оправдание зависти к имущим, как оправдание грабежа – так звучало в народе социалистическое уничтожение имущественного неравенства, которое исходит из морального принципа справедливости. (Страшная болезнь – расширение зрачков на чужую собственность). И не только грабеж, но и убийство, так как не только зависть, но и ненависть. Очень показательно разложение русской Церкви под игом большевиков – главным деятелем в этом был сам народ.

Поколение, совершившее Революцию, недостойно вступить в обновленную Россию. Оно должно вымереть в мучениях от невежественных большевицких экспериментов. Только новое поколение, которое поймет это, может воспользоваться если не благами Революции, то все же прогрессом.

Эволюция умонастроений в народе

Здесь речь идет о большинстве народа, т. е. о «темной массе». Оглядываясь назад, надо признать, что у населения было довольно легкомысленное отношение к Революции. Социализм и марксизм многими из тех, кто знали эти слова, принимались как несомненное благо. Не понимали, что нельзя по произволу выдумать общественный строй и его осуществить – достаточно только захотеть.

В 1914 г. солидарность всех классов – патриотизм и совершенно определенный монархизм, народ хотел, чтобы власть была царской и сильной. Даже в 1918 г. в Тобольске народ становился на колени перед царской семьей.

В 1917 г. мало задумывались над тем, что происходит – дореволюционные идеи оставались как бы сами собой разумеющимися. И опять солидарная радость всех классов по поводу свержения всем ненавистного царского бюрократического режима.

Вплоть до Октября большинство народа было на стороне Временного правительства, которое не отделяли от Государственной думы. Но агитация большевиков постепенно распространялась в народе, в основном побуждая его к бунтарству. В 1918 г. стало уясняться, что политика большевиков противоречит потребностям и надеждам русского народа. Крестьяне начали понимать, что их обманули. Даже рабочие заговорили об учредилке. Затем голод и разруха поглотили все внимание заботами о самом необходимом. Опьянение пафосом Революции кончилось. В 1920 г. разочарование охватило весь народ.

Но в народе не оказалось силы, способной защитить его интересы. Ленин создал сильную власть. Демократия и либерализм привели бы к прогрессу анархии, как это было при Временном правительстве. Разочарование, это не то, что первоначальное противоречие в мнениях, которое породило гражданскую войну. Это разочарование у тех, кто верил: Революция не дала того, что от нее хотели. Она причинила неисчислимые страдания и горе, стоила многих и многих человеческих жертв. Даже у низовых большевиков озлобление и антисемитизм.

Разочарование естественно началось с интеллигенции, которая раньше других стала осознавать события. Но она – ничтожное меньшинство, и к тому же ее влияние на политику постепенно уменьшалось. При политике стал формироваться особый тип деятелей, весь проникнутый «революционным методом». Это не только молодчики в кожаных куртках, но и идейно осмысляющие насилие – большевизм в широком смысле.

Разочарование распространилось среди интеллигентных членов Партии и старых революционеров. Переход к НЭПу они поняли как окончательное банкротство идеалов Революции и даже социализма вообще. Дальнейшая борьба и жертвы для них становились все менее оправданными.

От НЭПа народ сразу почувствовал облегчение, и не только материальное, но и от сектантской теории. В НЭПе есть жизнерадостность, но она не в идеях, а в торжестве жизни над угнетавшей ее теорией. Опять возникло легкомыслие, хотя и другого рода, чем в начале Революции. Появились просветы в перспективе. Люди бросились устраивать свою жизнь.

Идеи и действительность

До-революционные идеи в революции отразились как в кривом зеркале. Посмотрим, что было предложено уничтожить из старого, чем его заменить при помощи революционного скачка и что получилось.

— Научные авторитеты объявлены буржуазными и не обязательными, а многие научные истины – ложными и вредными. Надо создать классовую пролетарскую науку, так как только она может служить для переустройства общества к лучшему.

Авторитеты, конечно, могут ошибаться, и каждому вольно их критиковать. Но классовая наука – это абсурд: можно только временно извратить науку.

— Религиозные представления отвергаются на научном основании. Религию надо уничтожить, так как она противоречит науке и мешает внедрять в народ прогрессивные идеи.

Однако критика религии сводится к разоблачению злоупотреблений и к легкомысленным насмешкам над не-научностью религиозных физических представлений. Очевидно, что злоупотребления и физические представления не составляют сущности религии. Ее сущность в моральной области и наука здесь бессильна. Вот и получается, что отвергаются ненаучные представления, а вместе с ними и мораль.

А на деле еще хуже. Отделение церкви от государства Ленин объединил с поруганием мощей русских святых, арестом патриарха Тихона, ограблением церковных ценностей и расстрелом петроградского митрополита Вениамина. А затем систематически преследовал христиан. Это не говоря о подстрекательстве к кощунству и издевательству над духовенством и верующими. Все это настолько очевидно отвратительно, что Советскому правительству пришлось заявить, что этого не было.

— Моральные идеалы объявлены буржуазными предрассудками – свобода от морали. Вместо общечеловеческих принципов предлагается классовая мораль, т. е. добро необходимо только в пределах своего класса, а за его пределами вменяется в обязанность человеконенавистничество.

Но мораль есть один из итогов всего человеческого прогресса. Нет сомнений в том, что практическая мораль в значительной степени относительна. Но это не значит, что моральные оценки можно устанавливать по произволу, их относительность не лишает возможности сравнивать моральные уровни. Подчинение морали классовым потребностям есть движение назад, а не к прогрессу. Классовая мораль может служить только для оправдания аморальности своего насилия.

— Законы и правосудие рассматриваются только как средства политического, и при том классового, господства.

Вместо правосудия предлагается классовое правосознание, т. е. произвол, исходящий из классовых интересов и текущей политики, а не правосудие на основании обязательных для всех законов. Так как в буржуазном мире бывают злоупотребления правосудием, их превратили в систему советской судебной власти. Но давно сказано, что чужими грехами свят не будешь.

— Государственность сводится к классовому порабощению. Она буржуазное изобретение. В обществе будущего государство отомрет за ненадобностью. Для социалистического преобразования надо использовать весь арсенал буржуазной государственности – не только власть, но и насилие и обман народа. Ведь так делают буржуи.

Государство имеет две крайние формы: 1) управление на основе законности – это то, к чему стремится социальный прогресс, и 2) управление, исходящее из целесообразности – это диктатура. Она не совместима ни с демократией, ни со свободой в полном смысле.

— Утверждается, что самую важную часть человечества составляют пролетарии. Поэтому они имеют право господствовать. Они создают все ценности, которыми пользуются другие классы, а на долю пролетариата остаются только страдания. Их эксплуатируют и угнетают.

Так что достаточно быть пролетарием для того, чтобы господствовать над обществом. Но никак нельзя признать пролетариат лучшей частью человечества – его составляют слабые члены общества, хуже приспособленные к жизни.

— Родина – это великодержавный шовинизм. У пролетариата нет отечества – он интернационален. Пролетарии всех стран объединяйтесь - для захвата мирового господства.

Так что родина подменяется классом, который будет господствовать над всем остальным населением, составляющим большинство народа.

— У пролетариев нет истории, так как Россия была буржуазной. История начинается с Революции.

История заменяется историческим материализмом. Но прошлое не проходит бесследно. А в России еще живет тяжелое моральное наследие недавнего рабства. Пренебрежение своей стариной, могилами отцов характерно для детей Революции. По существу это неуважение к человеку, к самому себе.

— В собственности надо видеть только средство для господства и злоупотреблений. Она создает социальное неравенство. Ее необходимо уничтожить, так как она есть источник всех социальных зол.

Через рассуждения об этом явно сквозит зависть – в крайнем случае, ни себе, ни людям.

— Семья есть враг коммунистического общества и ее необходимо разрушить. Вместо семьи надо учредить свободную любовь и государственную заботу о потомстве. Так будет также достигнуто раскрепощение женщины.

Для разрушения семьи сделано уже много и для этого использована главным образом похоть. А выясняется, что социальной единицей служит не индивид, а семья.

Конечно, это не все. Но и их этого видно, что то, чем хотели заменить «старое», толкает общество не к прогрессу, а назад. Это по сути дела реакционная идеология против социального прогресса.

— Так всегда. Когда находят недостатки в том, что есть, кое-что получается. А когда предлагают замену – несостоятельность. Так что старое сломали и получилось в лучшем случае пустое место, на котором можно что-то построить.

Это в идеях. А в действительности еще хуже. Освобожденная от старых идеалов, она развивается в сторону первобытного зоологизма. И какой злобой проникнут голос тех, кто зовет к созданию светлого будущего для всего человечества. Они способны видеть везде только грязь и своими грязными руками хотят строить новое общество...

---

3. Ленин

21 января 1924 года умер Ленин. Это официально, но уже больше года как он перестал руководить Советским правительством.

Студенты ВХУТЕМАСа получили спешную работу по оформлению мавзолея на Красной площади. Работать пришлось на трескучем морозе и день и ночь. Женька простудился и отморозил палец. Мавзолей в стиле фараоновой гробницы по проекту архитектора А. В. Щусева построили за два дня из фанеры и художественно раскрасили. О мумификации Ленина в народе удивление и насмешки: святые мощи.

Петербург еще раз переименовали из Петрограда в Ленинград. Румянцевский музей на Моховой стал Библиотекой имени Ленина.

Ленина при жизни мне видеть не пришлось. Впервые увидел его в гробу в мавзолее, куда нас привели в «организованном порядке». Маленький рыжеватый со скуластым лицом – не то чухонец, не то чуваш.

Профессор Алексей Иванович Яковлев в приятельских отношениях с братом Ленина, Дмитрием Ильичом Ульяновым. Он врач и числится где-то по Наркомздраву, дружит с В. А. Обухом заведующим Мосздравотделом. Но едва ли способен что-либо делать – настолько спился и опустился. Живет на даче в Горках на р. Пахре. Эта дача в 32 км от Москвы оборудована для Ленина в 1919 г. Она в стороне от поселков и охраняется чекистами. Ленин приезжал туда отдыхать.

Алексей Иванович знал, чем вывести приятеля из апатичного состояния. Говорил Дмитрий Ильич бессвязно, не отличая важного от пустяков. Все же из этих сеансов мы с папой узнали кое-что, о чем нельзя прочесть.

В семье Ульяновых все были революционерами, кроме отца, который был дворянином и довольно крупным для провинции чиновником – директором училищ в губернском городе Симбирске. В гимназии Ленин учился хорошо и кончил курс с золотой медалью. Это связано с его упорным характером.

После гимназии Ленин поступил на Юридический факультет Казанского университета. Но его скоро исключили за политические выступления. Так что в дальнейшем он продолжал образование самоучкой.

Затем он все больше вовлекался в политику и стал профессиональным революционером. В этой области он пришел к крайностям и к односторонности. Его личная жизнь растворилась в политической деятельности.

Не заметно тщеславия, карьеризма, нет даже мелочности в обычном смысле. Но он постоянно ссорился и с противниками и со своими сторонниками из-за необычной нетерпимости к инакомыслию: кто не с нами, тот против нас.

Он нередко оказывался в меньшинстве и тут особенно проявлялось его упорство и нетерпимость.

В Кремле Ленин жил очень скромно. Но это не пуританство, которое нередко наблюдалось у социальных моралистов. Просто бытовая обстановка не привлекала его внимание.

Характер Ленина, так же как и его внешность, представляется не русским, а каким-то азиатским: беспечность и легкомыслие, из которых происходит самоуверенность до бесстыдства и способность бесстрашно смотреть вперед, пренебрежение к человеческой личности и склонность к насилию, пренебрежение к русской культуре и отсутствие патриотизма.

Странность в моральной области – возвышенное стремление к благу людей и тут же грубый аморализм.

Все эти черты доведены до крайности, что делает Ленина очень односторонним. Его психика подчинена воле и это подчинение на грани с патологией. Это конечно существенно для его роли диктатора.

Художник П. В. Васильев в мемуарах писал, что Крупская ему говорила, что ей неприятно, когда она «не находит Ильича в произведениях искусства о Ленине». Сюсюканья с детьми у Ленина не было. К интеллигенции и ученым он относился почти враждебно. Науку и искусство понимал утилитарно.

Писал Ленин необыкновенно много. Это несомненно обусловлено складом его психики – ему удобно думать на бумаге. Говорил он довольно не гладко и всегда по написанному – вероятно плохая память.

По содержанию большая часть написанного – продукт необузданной фантазии. Главным образом полемика. Множество противоречий. Несмотря на убедительно логичное изложение, полное отсутствие критичности к посылкам и выводам. Впрочем не лишено занимательности и оригинальности.

Все это настолько преувеличено, что тоже прямо-таки на границе с патологией – графомания и навязчивые идеи. С действительностью и фактами мало связано – они служили только поводом для работы фантазии. Впрочем так не только у Ленина. Поэтому не имеет смысла уделять много внимания тому, что кто-то много писал и предсказывал.

В 1922 г. здоровье Ленина стало быстро ухудшаться – у него прогрессировал склероз мозга. Он был вынужден отойти от дел. Первый сильный припадок произошел 26 мая. Ленина перевезли на дачу в Горки. Потом припадки повторялись и сопровождались сильнейшими головными болями, во время которых он катался по полу и рычал. В промежутках между ними он продолжал руководить государством. При этом иногда ругал

неистово мероприятия ЦК. Ругал бездарными тупицами Сталина, Калинина, Дзержинского. Они же его называли отставшим от жизни теоретиком.

Своего главного ставленника – Сталина – он называл азиатом, склонным к приготовлению «слишком горячих блюд». Свирепую жестокость Дзержинского он считал «бестактностью». Называл позорной роль «всесоюзного старосты» Калинина, который пытался изображать союз рабочего класса с крестьянами, хотя это предложил сам Ленин.

В январе 1923 г. Ленин продиктовал свои последние предначертания. Сам он уже не мог писать.

«О кооперации» – ее надо использовать как первую ступень для перехода к социализму. Она должна приучить политически неразвитой народ к коллективным действиям.

«О культурной революции» – немедленная ликвидация неграмотности всего населения. Учреждено общество «Долой неграмотность» под председательством М. И. Калинина. И т. п. и т. д.

9 марта 1923 г. у Ленина был сильный припадок и он лишился речи. Это и есть день его действительной смерти на 53 году. Дальше была только агония.

Итог деятельности Ленина

В апреле 1917 г. Ленин с другими эмигрантами прибыл в Петроград. Этому содействовали германские власти, имея в виду, что он будет подрывать военную силу России. Такой способ возвращения на родину стал широко известен и послужил основанием считать большевиков германскими агентами.

4. 04. 1917 Ленин выступил в Петроградском совдепе с «апрельскими тезисами» – полный провал.

Французские социалисты, приехавшие, чтобы установить связь с русскими революционерами, дали ему такую характеристику. Он желает поражения русской армии – грубый пораженческий пацифизм. Требует диктатуры темных низов народа. Утопист и фанатик неспособный относиться критически к абсурдам крайностей. Бессердечный и коварный со смелой и холодной волей. Способный убеждать и повелевать.

Весной 1917 г. Ленин был в меньшинстве даже среди большевиков. В народе его просто не знали. Только к осени заговорили о «Ленине и Троцком». Их поминали всегда вместе и обычно с иронией – как смутьянов. Но Троцкий был действительно самым крупным соратником Ленина. Ссорился с ним Ленин не больше, чем с другими. Но вражды между ними не было, вопреки тому, что принято писать в учебниках, что по-видимому исходит от Сталина, который действительно враждовал с Троцким.

Успех Ленина в темном народе основан на том, что он потакал его низменным стремлениям: немедленный мир, «помещичьи» земли, бунт

против законной власти... Одновременно умалчивал о тех своих намерениях, которые не могли встретить сочувствия.

Так, он конкретизировал идеологию и сказал, что знает, что надо делать. Ему поверили, потому что хотели верить. Разум в этом не участвовал.

Ленин не принимал участия в 6 съезде партии социал-демократов в июле 1917 г. и в переговорах большевиков с Керенским о создании объединенного правительства, так как скрывался в это время в Финляндии – сидел в шалаше и писал о непримиримости.

Для Октябрьского переворота Ленин дал только «идейное» обоснование – указал на благополучную конъюнктуру. Он приехал из Финляндии перед самым переворотом. Участие большевиков в перевороте возглавлял Троцкий. Впрочем и его роль не велика, так как переворот произошел стихийно.

До Октябрьского переворота Ленин был среди самых левых большевиков, т. е. призывал к крайностям. И конечно этому сочувствовало меньшинство населения. Потому-то ему и был необходим «революционный метод». Он не мог надеяться на успех при всенародных выборах. Отсюда его ненависть к Учредительному собранию.

После переворота Ленин стал во главе правительства, которое сформировано из членов ЦК партии большевиков. Так произошло слияние государственного аппарата с партией. Этим положено начало партийной диктатуре, а в дальнейшем – произволу и беззаконию.

Ленинское правительство претендовало на единственную власть в России. Сначала конечно потребовалась борьба против «правых». Но они слабо сопротивлялись. Ленин без труда разогнал Учредительное собрание.

А затем с Лениным стала происходить замечательная эволюция: он стал смещаться «вправо». В начале 1918 г. ему пришлось обуздывать «левых коммунистов», которые противились заключению мира с Германией и требовали «революционной войны» с ней, спорили о самоопределении национальных меньшинств и т. п. В июле 1918 г. Ленин пришел к открытому конфликту с левыми эсерами и анархистами. Это привело к однопартийному режиму.

Летом 1918 г. положение Ленинского правительства казалось безнадежным. Ленин поспешил использовать имеющиеся у него возможности, чтобы уничтожить как можно больше остатков царского режима. Организовано убийство членов царской фамилии, бывших людей и множества заключенных в тюрьмах – без предъявления обвинений. Это самое настоящее преступление против каких угодно законов. Конечно Ленин сам не убивал и даже старался изобразить, что он тут не причем. Задним числом осенью объявили «красный террор» – [Ленин] как бы был вынужден, потому что его обижали.

Деятельность направилась против тех, кто требовал свободы... и «справа» и «слева». Ленину пришлось запретить свободу религиозных

вероисповеданий, объявленную царским правительством, свободу слова и печати, провозглашенную Временным правительством.

В начале 1919 г. – вскрытие и поругание мощей русских святых. В 1922 г. – использование изъятия церковных ценностей для террора против христиан.

Осенью 1919 г. письмо Ленина к Горькому с угрозами по поводу его либерализма и интеллигентов около него, которые по мнению Ленина замаскированные контрреволюционеры. В этом письме Ленин преуменьшает террор против интеллигентов – так пустяки, десяток интеллигентов посидит несколько дней в тюрьме...

Так движение «вправо» привело к личной диктатуре Ленина. Затем гражданская война способствовала укреплению его диктатуры, но потребовала сдвинуться еще дальше «направо».

Ленинская теория упрощает действительность и это придает ей как бы ясность. Ее можно вывести из предпосылок, если принять, что к этим предпосылкам все сводится: только рабочие создают все ценности для общества, поэтому они самая важная часть человечества, их несправедливо эксплуатируют, поэтому классовая борьба справедлива...

Но всякая теория упрощает действительность. А вот при попытке осуществить крайности сейчас же появляются осложнения, которые исключены теорией.

Ленин предполагал, что надо национализировать частную собственность и на ее основе создать государственный капитализм. При этом социалистический строй образуется сам собой. Жизнь опровергла эту гипотезу. Возник конфликт с крестьянами. Огромные размеры гражданской войны нельзя объяснить борьбой классовых врагов – буржуев и ничтожной интервенцией. Это сопротивление самого народа насильственному навязыванию ему социализма.

Наконец, Ленин понял, что вместо немедленного после революции «самого собой» социализма, надо заняться его созиданием. Он пришел к необходимости перейти к НЭПу.

Идеология НЭПа не в восстановлении народного хозяйства, а в том, чтобы путем постепенного приближения к социализму, показать его преимущества и вовлечь в него народ. На свой лад Троцкий определил сущность НЭПа как «врастание социализма в капитализм».

НЭП сразу оздоровил жизнь в стране и советскую политику. Но с идеологией стало неблагополучно. Кропотливое созидание не соглашается с духом большевизма. И он не может позволить народу самому устраивать свою жизнь.

При этом Ленин оказался значительно «правее» центра большевиков, вызвал протест большинства членов партии, видевших в НЭПе чуть ли не контр-революцию. Ведь отказ от иллюзий и призыв к здравому смыслу –

это и есть революция. Из партии выбыло около 30% ее членов. Таким образом, Ленин, руководитель политики и вождь мирового революционного движения возглавил реакцию против несостоятельных лозунгов революции. Замечательно, что это нисколько не ослабило его власть!

РКП(б) перестала быть политической партией и превратилась в политическую организацию для господства над народом – стала «партией нового типа». Действия Ленинского правительства только с самого начала содержали социальные и культурные преобразования. Постепенно они стали приобретать все более политический характер, а социальное из них исчезло. Одной из главных забот стало как бы удержаться у власти несмотря на протест всего народа. Это вылилось в грязную политику насилия и лжи.

Общечеловеческие принципы морали Ленин объявил буржуазными предрассудками. Но преступникам удобно и выгодно ими прикрываться. Злоупотребления властью возведены в принцип государственной политики. Запрещены все демократические свободы. Народ отстранен от государственной власти и самоуправление не допускается. К власти пришли отбросы рабочего класса и мещане. Их возглавила диктатура «мыслящего пролетариата» – единолично Ленина. Безответственные опыты над живыми людьми.

Жизнь заставила прекратить применение «революционного метода» и перейти к НЭПу, т. е. отказаться от марксизма. Но нежелание уважать частную собственность сохранилось.

По словам Дмитрия Ульянова, в минуты раздумья Ленин сожалел о неудачах и ошибках. Главной неудачей он считал то, что не оправдался прогноз мировой революции. Россия попала в изоляцию и невозможно осуществить социализм в одной стране, в буржуазном окружении. Построить социализм действительно не удалось, но совсем не по причине буржуазного окружения, а потому, что народ его не принял.

Но Ленин продолжал упорствовать и искать пути к социализму: не допускал и мысли об отделении государства от партии, предложил «электрификацию страны», кооперативы, как путь к социализму, новую экономическую политику, чтобы получить передышку.

Политический успех Ленина обусловлен тем, что он умел возглавить темные народные движения. Он понимал душу темного народа с ее далеко не возвышенными стремлениями и воздействовал на самые простые основные чувства и стремления.

Перед Октябрем он подстрекал к бунтарству, предлагал немедленный мир и помещичьи земли. Во время гражданской войны указал направление для приложения бунтарской энергии, где и кого надо считать врагами – буржуев, бывших людей, церковников.

То же было при переходе к НЭПу. Предоставить людям возможность пользоваться продуктом своего труда, «дать крестьянам почувствовать оживление». А для своих приверженцев: мы отступаем к государственному капитализму, но мы скоро остановим это отступление. Результат получился поразительный: поражение в гражданской войне превратилось в победу – Ленин удержал и укрепил свою диктатуру.

Итак, успех Ленина основан на том, что он предлагал самое простое, всем понятное и то, чему хотели верить. Это и давало ему возможность «возглавлять». Но ведь это же гениально!

Но Ленин не понимал исторически сложившихся потребностей русского народа. А предсказания его теории не оправдались:

- мировая революция не произошла;
- немедленный мир не получился;
- пролетарский интернационализм не сработал;
- социалистический строй не образовался;
- настоящей интервенции не было – буржуазный капитализм предоставил ему производить опыты и на них убедиться в несостоятельности его теорий и социализма.

Итак Ленину не удалось осуществить социализм и он не нашел такие простые и эффективные рецепты для этого, какие требовал экстремизм. Причинил неисчислимые бедствия русскому народу. Так что при создании культа Ленина его заслуги пришлось выдумать. Но, быть может, действительная заслуга Ленина перед человечеством – в том, что он дискредитировал социализм.

Как курьез можно привести цитаты из статьи английского философа Рассела, опубликованные в «Правде» 3. 02. 1924:

> «Смерть Ленина лишает мир единственного действительно великого человека... Можно полагать, что наш век войдет в историю как век Ленина и Эйнштейна... Ленин казался пострадавшей мировой буржуазии разрушителем, но не разрушение сделало его известным. Разрушить могли бы и другие, но я сомневаюсь, нашелся ли бы хоть еще один человек, который смог бы построить так хорошо заново. У него был стройный творческий ум. Он был философом, творцом системы в области практики...»

А ведь Рассел был в России в 1920 г. и посетил Ленина!

«РАЗЛОЖЕНИЕ, НАЧАВШЕЕСЯ СВЕРХУ, БЫСТРО ДОЙДЕТ ДО САМЫХ ГЛУБОКИХ СЛОЕВ НАРОДА, А ЗАТЕМ НА НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ ЗАТЯНЕТСЯ МОЛЕКУЛЯРНЫЙ ПРОЦЕСС ВОЗРОЖДЕНИЯ...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЕДШЕМ

С. Б. Веселовский

Из дневников 1919 – 1923 гг.

«По логике всех массовых революционных движений всякая глупость должна быть проделана до конца, до полной нелепости... По-видимому тут бессильны какие бы то ни было аргументы и авторитеты. Здесь как и в других вопросах нет такой силы, которая могла бы остановить народ или, вернее, злые элементы народа, которые частью террором, частью соблазном, вовлекают его в глупости и злодеяния. По-видимому, в этом состоит изживание революции... Это выявление истины путем reductio ad absurdum, не на словах, а на деле, на спинах тех, кто так охотно поддается заблуждению, и тех, кто безмолвно отходит в сторону».

6 февраля 1919 г.

За последнее время я много читаю по истории революций и социализма и обдумываю исследование по этим вопросам.

Русская интеллигенция теперь переживает революцию, о существе которой она имела такие превратные и смутные понятия и которой так легкомысленно способствовала. В ближайшем будущем ей предстоит пересмотреть все свои верования и взгляды на развитие общества, на задачи в жизни личности и т. д.

Прежде всего, что такое в сущности революции. Этим словом в истории называются очень различные явления. Для определения понятия необходимо собрать большой исторический материал.

Излюбленное у русских сравнение это – сравнение революций с бурями, очистительными грозами. Это – ерунда, как всякое сравнение из несравнимых областей.

Интереснее другие представления, именно представления о необходимости, неизбежности революций в истории народов и представление о неизменной благотворности для прогресса. Ложность этих представлений легко может быть доказана. Они вытекают не из знания истории народов, не из анализа свойств человеческой природы и законов социальной жизни, а из темперамента, слепых инстинктивных душевных движений.

Англия, совершив 2 революции в XVII в., обходилась без них более двух столетий. Можно сказать, что она вышла из полосы революций. Эти два столетия и начавшийся XX век были в Англии временем беспримерного прогресса всех сторон государственной, общественной и народной жизни. Противоположность Англии, Франция менее чем в одно столетие проделала четыре кровавых революции. Если она прогрессировала, то скорее несмотря на революции, а не благодаря революциям.

Государственные учреждения и правовой строй Англии упруги, но податливы, как ее неписаная конституция, т. е. изменяются, хотя и медленно, но уверенно и целесообразно, сообразно новым запросам жизни.

Во Франции, несмотря на ее демократический госуд. строй, в частном праве, в администрации, в общественной и частной жизни много такого, что не дает развиваться и облекаться в новые формы запросам жизни.

Аналогичные этапы в жизни народов у одних проходятся мирным, а у других революционным или бурным путем. Например – отмена сословных привилегий, крепостного права; всеобщее избирательное право.

13 февраля 1919 г.

Мрачное и беспросветное затишье. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что в январе, приблизительно, обозначился перелом в настроении общества. В октябре, когда Германия была разбита и вынуждена заключить перемирие, не ждали вмешательства союзников, т. к. понимали, что им много дела, и более важного, чем вмешательство на Западе. Затем у всех естественно возник вопрос, каково же будет их отношение к России. Естественно, что большинство считало вмешательство делом решенным и несомненным и преувеличивали возможность быстрого вмешательства. Сведения об их намерениях отрывочны и неясны, но постепенно у всех начало складываться представление, что «спасать» Россию они не намерены и не будут и что их вмешательство в теперешней форме, пожалуй, хуже полного невмешательства. Это заключение повергло в еще большую безнадежность. Большевизм приходиться изживать своими силами, а на них мало надежды, тем более, что при теперешней военной технике сравнительно ничтожная часть населения может очень долго насильничать и

господствовать при помощи террора, не взирая и не смущаясь голодом, общим обнищанием и вымиранием от заразных болезней и недоедания. Чтобы изжить, при таких условиях такой бандитизм и анархию, нужно пройти через длинный период таких страшных страданий, которые не может себе представить самое сильное воображение. Развал всех сторон хозяйственной и бытовой обстановки жизни так велик, что в каждый данный момент кажется, будто дальше идти некуда и что вот-вот наступит катастрофа. Между тем с каждой неделей положение заметно ухудшается, а мы все еще не долетели до дна ужасной пропасти.

Из-за отсутствия топлива, дров, угля и нефти, останавливаются одна за другой фабрики. В Москве стали трамваи. Сокращается и замирает движение железных дорог, но дно пропасти еще не достигнуто. Нельзя предвидеть, что будет в ближайшем будущем.

Я вообще смотрю пессимистически и очень низко ценю внутренние силы России, но временами мне кажется, что если в конце концов назреет взрыв, то сила его и последствия будут прямо чудовищны. Он будет сопровождаться таким кровопролитием, сначала, и анархией в следующем этапе, что перед ними побледнеют все жертвы войны и первых двух лет революции. Тот ужасный гной, который разлился по всей России во всех слоях населения, может быть удален и искуплен только кровью, неисчислимыми потоками крови. Помимо случайных жертв и непосредственных участников анархии и организованного бандитизма, по крайней мере три четверти так называемый революционной интеллигенции должны погибнуть и не может не погибнуть, т. к. они не совместимы с выздоровлением и возвратом к каким бы то ни было формам нормальной, трудовой и культурной жизни.

Это неизлечимые больные, тихие или буйные помешанные, которым судьба и ход нашей истории предназначили – сначала отравить и загноить народный организм, а затем быть уничтоженными здоровыми элементами, если последним суждено взять в конце концов верх. Дай бог, чтобы это было преувеличение, но по временам мне кажется, что это – так и что это неизбежно.

По моему представлению это – прежде всего озлобленные до слепоты, с вывороченными наизнанку мозгами и извращенными моральными понятиями. В. С. Миролюбов, в разговоре недавно со мной, говорил, что среди них много людей, искренно любящих народ и желающих ему, по своему, добра. Я таких не вижу. В лучшем случае они способны на красивые слова и эффектные позы, а на деле вся их деятельность не приносит ничего, кроме зла и вреда. У них, во-первых, как у дурных политиков, почти всегда результаты совершенно не отвечают или даже противоречат их намерениям. Мир – вместо него война, которой не видно конца. Хлеб – голод. Свобода – гнусный и бессмысленный деспотизм. Долой смертную казнь – потоки крови, террор и бессчетные казни и убийства даже без тех

гарантий правосудия, которые были при самодержавии. Вся власть народу или вся власть советам, а в действительности никогда народ, в самых широких слоях, не был так забит, запуган и лишен самых элементарных свобод; десяток, другой бандитов держат в своих руках целый уезд, подделывают или подавляют свободу выборов и объявляют вне закона всякого, кто с ними не согласен.

Во-вторых, мотивы их деятельности, в большинстве случаев, низменны, а цели – ложны и практически не осуществимы.

7 марта н. с. 1919 г. Татариновка

Более недели мы не получали газет и живем как отрезанные от всего мира. По временам, когда вспоминаешь об этом, становится невыносимо тягостно. Что делается на Западе, как идет мирная конференция, что – в разных частях бывшей Российской империи? Союзники, прервавши сношения с Сов. республикой и изолировавшие ее, посадили нас, всех русских, как бы в карантин для чумных. Это – тяжелое наказание, надо признать, что в общем, заслуженное. Невинные страдают, как обычно в истории, наравне с виновными. А кто виноват, кто невиновен? Раньше все твердо знали, кто виноват. Виноваты самодержавный режим, бюрократия, правительство вообще и т. д. После свержения Николая все перемешалось в сознании русского обывателя. К прежним виновникам всех бед и, в частности войны, прибавились новые: буржуазия, которая будто бы только для того затеяла войну, чтобы богатеть, ничего не теряя, а во время войны наживалась и спекулировала; кадеты и другие сторонники войны до победного конца. Чем дальше, тем [больше] число виновников росло. Виноватыми оказывались бывший герой Керенский, ген. Корнилов, гнусно провоцированный и преданный Главковерхом, вездесущие и бесчисленные контрреволюционеры, союзные империалисты и т. д., и т. д. О винах народа, кинувшегося грабить всё, что попадало под руку, разбивавшего винные склады, предававшего родину и безнаказанно убивавшего множество невинных людей, говорили неохотно и легко находили всему полное оправдание в его невежестве. От последнего такой ход рассуждений. Причина (а не вина) всех подобных гнусностей и безобразий – невежество; а в последнем виноват старый строй, который умышленно держал народ во тьме. Таким образом виноваты те же, кто виноваты были раньше. Как будто умышленно закрывали глаза на то, что низкий уровень образования был одним из элементов, что важнее крайне низкий уровень морали, личной и общественной, и страшный уклон к преступности, что мало или вовсе не зависит от грамотности и образования. Крайне левые, почти вся так называемая революционная демократия, не только не видели во всем этом хаосе и безумии вин, но и ставили иногда в заслугу. Если более благоразумные, не потерявшие человеческого достоинства представители более правых революционных течений иногда и осуждали эти «эксцессы»,

то делали это деликатно, с оговорками, с немедленными ссылками на невежество народа и т. п. В конце концов большею частью оказывалось, что виноват во всем «самодержавный режим». Даже самые возмутительные гнусности масс вызывали у этих представителей рев. демократии приблизительно такое отношение, как у ослепленной любовью мамаши вызывают скверные шалости избалованного ребенка. При этом осуждение очень часто проистекало не столько из моральных и правовых принципов, сколько из опасения, что эксцессы и гнусности могут, что называется, сорвать революцию, повредить ее «завоеваниям», могут вызвать преждевременно, до завершения и укрепления всех завоеваний контрреволюцию, т. е. пробудят в широких слоях населения инстинкт самосохранения, любовь к родине, сильный моральный отпор. По мере углубления революции, холуй от безнаказанности и революционной пропаганды наглел, широкие слои общества отпора не давали, страх перед контрреволюцией ослабевал и рев. демократия становилась все снисходительнее в оценках поступков совершенно разнуздавшейся черни. Это прекрасно подготовило почву для большевиков. Последние, чтобы окончательно ослепить народные массы, предотвратить самую возможность пробуждения в ней человеческой и гражданской совести, довести свои жертвы до отчаянности и невозможности когда-либо оправдаться перед совестью, вывернули наизнанку все моральные и правовые понятия. Родину надо не защищать, а разрушать; в образованных людях надо видеть не пример, не вождей, не старших, не представителей самого интенсивного труда, вышедших из всех классов общества благодаря своим способностям и энергии, а паразитов, бездельников, естественных врагов народа, которые при помощи науки и богатства овладели секретами порабощения масс.

Рабья мстительность и звериная злоба к своим недавним господам получили громкое имя справедливого гнева народа, великодушного в своих победах и лишь по необходимости беспощадного к своим врагам, продолжающим борьбу. Большевизму не было надобности долго заниматься воспитанием масс в этом направлении и вырабатывать идейные мотивировки. Всю необходимую подготовительную и долгую работу проделала наша интеллигенция и ее вожди в литературе и публицистике. У них самих уже давно и в очень значительной мере все понятия были вывернуты наизнанку и именно изнанка была провозглашена настоящим лицом, Только эти и никакие другие понятия вносила она в народ всякий раз, когда приходила с ним в соприкосновение.

12 марта 1919 г.

Слеподоверчиво пошел народ за новыми вождями, которые, с одной стороны, употребили все усилия, чтобы в нем не проснулись совесть и стыд, а, ловко использовали его инстинкты, злобу и доверчивость в своих революционных целях. Однако угар бесстыдства и разгул злых инстинктов довели народ до тупика, до разорения, до голода. У него все чаще начинает зарождаться [убеждение] в целесообразности «греха» и в достижимости бесчестными средствами тех целей которые ему подставили вместо настоящих революционные вожди. Недавно мне пришлось слышать характерное замечание: греха, греха сколько приняли на свою душу, а вышло так, что ни себе, ни людям. Придя к такому выводу, совесть неизбежно возвращается к вопросу: кто виноват.

21 марта 1919 г.

...В основе несознательного большевизма масс, совершенно чуждых политическим партиям и незнакомым с их программами, лежала наивная надежда стать самим, как их господа, разграбив их имущество, и уровняв их с собой. (Это отмечено в революции 1848 г. у Токвиля в его Воспоминаниях). Отсюда – легкость и быстрота, с которыми массы были охвачены идеей равенства. Это могучее стихийное движение было настолько безсознательным, что его можно назвать физиологическим. Что народ не понимал таких очевидных истин, что нельзя большинству разбогатеть, ограбив меньшинство и бросив работать, что даже удачно произведенный грабеж не сделает их «господами», в этом значительная доля вины лежит на интеллигенции, одержимой идеями распределительного и потребительного социализма и всегда относившейся с непониманием, с брезгливостью сектанта, боящегося оскоромиться, с злобой и презрением к процессам производства. В литературе: «кулаки», «хищники», Разуваевы, Колупаевы и т. п. Путь для ленинцев, объявивших $^{9}/_{10}$ крестьянства кулаками и врагами страждущего человечества, был давно подготовлен нашей литературой, и притом не только так называемой литературой «с направлением».

15 апреля 1919 г.

...Мы как-то так привыкли и впали в такую беспросветную безнадежность, что не представляешь себе, что будет и как будешь чувствовать себя, когда этот кошмар пройдет. Интересен вопрос – удастся ли им отступить в порядке, и не превратится ли их эвакуация в немедленное падение, которое примет форму анархии.

В Германии простонародье изжило идею насильственного переворота в 48-м году. По-видимому, до нас этот этап дошел только теперь. Трудно предвидеть, какие формы примет реакция, но можно думать, что она будет глубока и сильна. Во всяком случае идея, глубоко простонародная, разбогатеть ограблением господ, идея раздела существующих богатств, идея социализма и бунта будут изжиты основательно, быть может навсегда. Будущие движения примут совершенно другие формы, конечно не такие варварские и самоубийственные. Сейчас народ понял, или начинает понимать бесплодность и гибельность для него же самого грабежа. Когда

ему придется расплачиваться по долгам и за битые черепки революции, когда он поймет, что значит разрушить свое национальное государство и утратить в азарте бунта и грабежа вековые приобретения, которые он сделал путем неисчислимых жертв, тогда только проснется в нем национальное и государственное сознание, полную атрофию которого он обнаружил в протекающей и кончающейся революции.

12 февраля 1920 г.

Какая огромная разница между Великой Французской революцией и нашей! Не террор, а огромный подъем духа и идеи революции дали возможность Франции не только отразить победоносно нападения европейских коалиций, но и выйти за свои пределы и понести идеи революции по всей Европе. Идеи революций были столь же заразительны, сколь победоносна революционная армия. Войны революции выдвинули и выработали несравненных мастеров военного дела, вождей, офицеров и солдат. Под руководством Наполеона эти вожди и солдаты многие годы были непобедимы. Ничего похожего на это не видно у нас. Революция разрушила старую армию и не создала новой. Наполеон говорил, что французы побеждали во время революционных войн не теми элементами, которые были созданы во время революции, а главным образом остатками, знаниями и опытом старой королевской армии. Наша красная армия не впитала и не включила в себя остатки старой. Французы тоже не доверяли старым королевским генералам и офицерам, приставили к ним комиссаров, смещали и казнили их без пощады, и тем не менее, патриотизм (при нашествии иноземцев) и идеи революции привлекли на сторону революционной Франции множество талантливых вождей. А у нас – Крыленки, Дыбенки, Подвойские, Буденные и т. п. главковерхи, а далее ничего. И это тогда, когда военная техника стала предъявлять, сравнительно с Наполеоновским временем, к командному составу огромные требования. Этого нельзя объяснить только тем, что большевики ведут гражданскую войну, а не международную. При международной войне, конечно, патриотизм побудил бы некоторых генералов и офицеров, отложив свои политические симпатии и антипатии, искренно пойти в Красную армию, но дело не в этом. Главные причины, как я думаю, заключаются в противогосударственных и противоотечественных основных идеях большевизма, в их противообщественных и неосуществимых основных идеях внутренней политики и в их отношении ко всякой армии вообще, хотя бы и ярко красной. Армия не набор людей, не сброд, а живая организация, живой организм, организованная сила. И это – независимо от ее состава. Если так понимать армию, то можно сказать, что она несовместима с большевизмом. Такая армия, как живая сила, никогда не примирится [с тем], чтобы быть только пассивным орудием в руках людей, которые ни с чем и ни с кем не хотят считаться. Результаты на лицо. Французские революционные армии очень скоро перешли в борьбе от обороны к нападению. Это создавало огромный подъем духа и делало их непобедимыми. Совершенно иное у нас: и на внутренних фронтах, а тем более на внешних красная армия везде, в сущности, только обороняется. Как только она переходит в наступление, тотчас начинаются поражения. Было время, когда главари большевизма мечтали о европейском походе, обещали свою помощь германским товарищам, но остановились перед польскими легионами; были выбиты немцами из Румынии и Финляндии и не могли туда вернуться. После двух лет неудач, во время заключения мира с 2 губерниями бывшей империи (Эстония) они уже вынуждены, быть может не сознавая или не желая признаться, провозгласить принцип самообороны и стать в позу сторонников всеобщего мира, на основе самоопределения народов. Раньше мечтали навязать свои идеалы всему миру, а теперь признают за чужими народами право на самоопределение, хотя не в большевистском духе, и отрицают его за русским народом. Сейчас на Украине они ведут себя много скромнее, чем 2 года назад. А что будет, если Украина самоопределится в буржуазном духе и выгонит из своих пределов Красную армию?

Попытки завязать сношения и заключить мир с Польшей есть тоже поражение воинствующего большевизма. А возможен ли невоинствующий большевизм? Ведь основная идея большевизма – международная мировая революция. Таким образом мир с буржуазными государствами или будет непрочным и неискренним, или поражением большевизма, который в жертву миража мировой революции приносил и приносит решительно все. В этом основной конфликт большевизма с русским народом. Он говорил ему своей политикой: ты должен напрячь все силы, принести все жертвы, зажечь мировой пожар, и тогда все усилия и жертвы окупятся. Теперь вместо мирового пожара – изоляция от всего мира. А в перспективе, если не поддаваться иллюзиям, дальнейшее расчленение России на «самоопределяющиеся» губернии инородцев, а м. б. и русских.

4 марта н. ст. 1920 г.

Заклятые враги революции могут быть вполне довольны, если, конечно, живут за границей и имеют возможность выжидать. «Дело революции» погибло, или погублено. Голод, болезни, истощение и разочарование достигает таких размеров и пределов, что кажется, вот-вот, и все смесится в хаос. Тут не помогут никакие заклинания, ни жестокости, ни героические меры. Административный механизм совершенно отказывается служить, массы хранят враждебное молчание и равнодушие. Воззвание Главного Комитета по трудовой повинности – можно быть уверенным – останется на бумаге. Говорят, что идея употребить Красную Армию на работы потерпела полную неудачу. Бедный Аракчеев! Какую скверную репутацию имел он у наших либеральных писателей, а кто мог бы подумать несколь-

ко лет тому назад, что его идея военных поселений возродится через сто лет при таких обстоятельствах и в головах таких далеких от него по мировоззрению людей. Собственно говоря, наши коммунисты выдохлись, а то они давно должны были бы перейти от конфискаций, реквизиций и т. п. к «творчеству», и начать проделывать то, о чем давно писал Томас Мор в своей «Утопии» – о превращении всей страны в казарму. Слишком увлеклись потреблением и не дошли еще до производства на коммунистических началах. Пока дело шло о потреблении все было гладко (с коммунистической, по крайней мере, точки зрения). Теперь, когда голод, нужда и целый ряд других причин заставляет подумать о производстве, обнаруживается вся пустота, бессодержательность и безжизненность коллективизма и коммунизма. Собственно, я не вижу ни того, ни другого, ни одной идеи, проведенной в жизнь. Если считать социализмом распределение по карточкам нормированных и не нормированных товаров и хлебную монополию, то такой социализм удавался неизмеримо лучше, во время войны, буржуазным правительствам Запада. В остальном, при всей благосклонности и при всем желании, социализма нигде не видно. Советские хозяйства? Это – сплошная пошехонщина, совершенно сказочная смесь русской недобросовестности, лени, бестолковости и нераспорядительности. Результаты плачевные: они не только не дают никаких доходов (об этом никто теперь из большевиков, кажется, и не мечтает), но не могут содержать сами себя. Доходят до того, что, не запасшись сеном, раздают на зиму до весны коров с правом съесть теленка, если будет, и доить в свою пользу.

Для крестьян, т. е. не менее как для $^4/_5$ населения России продолжает существовать право частной собственности. Правда, что оно нередко нарушается и в общем находится под постоянной угрозой нарушения, но это нисколько не приближает Сов. Россию к идеалам коммунизма. Напротив, это в сильнейшей степени пробуждает у крестьян чувство собственника и оформливает их смутные до сих пор понятия на этот счет. Под влиянием этого крестьянин начинает медленно понимать, что нарушать чужую собственность это значит подвергать и свою нападению со стороны. В этом смысле и теперешний режим можно назвать анархией, т. е. таким состоянием общества, когда нет никаких прав и законов, ни старых, которые отменены на бумаге и постоянно нарушаются, ни новых, которые совершенно противоречат интересам и взглядам населения и не вышли до сих пор за пределы общих фраз и общих положений...

5 марта 1920 г.

А. С. Пушкин передает («История Пугачевского бунта»), что Пугачев начал свои показания Маврину заявлением: «Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство».

В этом определении своей роли виден очень большой ум злодея, знавшего цену себе и своим последователям.

10 апреля 1920 г.

...По-видимому, дело идет к огромному краху всех идей революционного социализма и коммунизма. Теперь уже ясно то, что я утверждал с самого начала – одиночество русской революции. Вопреки всем предсказаниям марксистов и предвидениям мастеров революционных дел революции не делаются все более международными. Наша революция так же одинока, как Парижская Коммуна 1870 г. Если так, то результаты ее должны нанести особенно тяжелый удар всему строю революционного коммунизма. А результаты – ужасные. По-видимому, выясняется, что Антанта раньше, в надежде на нашу внутреннюю реставрацию, удерживала русские окраины и соседние государства от нападения на русский народ. Теперь, совершенно резонно, перестав поддерживать Деникина и другие внутренние движения, она не желает оказывать большевистскому правительству услуги удержанием в нейтралитете соседей. В последних газетах – известие, что турки заняли Карс, Ардаган и Батум. Возможно выступление Персии, т. к. Красная армия в своем продвижении докатывается до ее границ. В Восточной Сибири Япония занимает один город за другим. Балтийские окраины, вслед за Эстонией, отделяются и готовятся прописать Советскому правительству унизительнейшие условия мира. Среди западных государств уже идут соревнование и споры из-за раздела России. Совпублицисты, добросовестно по глупости или бесчестно, описывают эти споры как свидетельство силы Советского правительства и все говорят, что Европа не может существовать без русского сырья и что поэтому она пойдет на признание советского правительства. В многочисленных статьях на эту тему постоянно повторяется один и тот [же] грубый промах: Европе нужно русское сырье и вообще природные ресурсы России. Это – советская республика (эта посылка пропускается, как будто несомненная, как аксиома); вывод – Европа не может жить (уже не «нужно», а не может существовать) без советского правительства и почетного мира с ним. Грубое жульничество лжерассуждений на пищу и утеху русским дуракам. Как будто весь мир настолько глуп и наивен, что не понимает, что при существующих в России анархии и разрухе невозможно получить никакого сырья. Посылки и вывод ясны. Европа нуждается в русском сырье; пока будет существовать советская анархия, она получить этого сырья не может; вывод – Европа заинтересована в устранении Советского правительства. Она выдержала первые, самые для нее опасные по заразительности, моменты русской революции и теперь, уверенная в близком ее крушении и реакции, готовится к дележу беззащитной России и спорит из-за раздела добычи.

Сейчас яснее, чем когда-либо, что большевизм есть чисто русское явление, глубокое заболевание, главным образом в области социальной мо-

рали, великорусского и отчасти быть можнт и малорусского племени. Все инородческие окраины выделили из себя головорезов революции разных мастей и темпераментов, а от большевистского разложения отшатнулись как от помойной ямы. Таким образом это не только не мировое или европейское движение, но даже и не общероссийское. Очевидно, что дело не в «самодержавном режиме», которому приписывали все беды и гадости. И финляндцы, и эстонцы, и другие инородцы жили под тем же режимом, были на положении худшем, чем великоруссы, испытывали временами гонения, но это не помешало им восстать против большевицкого разложения и при небольших военных силах отстоять свою независимость. Получилось нечто противоположное интернационалу и федеративной республике. Только поляки мечтали и имеют серьезное основание на государственную независимость. Все же другие народности, которые теперь стремятся оградиться от большевизма, наверное предпочли бы связь с русским государством и удовлетворились бы местной автономией, более или менее широкой. Некоторые, как напр. Грузия, вероятно без труда отказались бы и от автономии, чтобы не стать добычей армян и Турции и пользоваться защитой России.

8 января ст. ст. 1922 г.

Было время, в начале революции, когда широкие массы простонародья мечтали о жизни без господ, буржуев, царя, без налогов и повинностей, без военной службы, в каком-то блаженном безвластии и равенстве, но эти мечты разлетелись как дым, бесследно, и теперь очень часто в разных выраженьях слышишь определенные выводы: этому не бывать, а если власть и господа нужны, чтобы не помереть от голода, то прежняя власть и господа куда лучше товарищей. Те жили и нам жить давали, а эти только грабят, разоряют и довели народ до голодной смерти.

10 января 1922 г.

За последнее время прочитал много английских и немецких писателей-романистов, и перечитывал кое-что из русских: Островского, Щедрина, Чехова, Гаршина и Помяловского. Когда переходишь от русских писателей к иностранным, то начинает казаться, будто попал из притона хитрованцев и хулиганов или из дома умалишенных в общество нормальных и порядочных людей. Со времени Гоголя пристрастие русских писателей к подлому, пошлому, уродливому и болезненному росло по мере проникновения в литературу полукультурных, талантливых и бездарных разночинцев. То новое, ценное и более высокое, что принесли они, положительно тонет в море пошлости, уродства, злобного хулиганства и болезненного, которое составляют главное содержание их произведений. Только теперь, переживая крушение всей русской культуры, начинаешь понимать, что наша нездоровая литература была верным отражением и в то же время предвестием глубокого разложения всех слоев общества, а вместе с тем и государства.

20 января 1922 г.

Вчера после перерыва в 3 недели пришлось прочесть номер Известий. Какая пытка, какое страшное наказание ничего не знать, что твориться в России и во всем мире, и ничего не читать, кроме грубой и подлой лжи советских изуверов и сумасшедших! Сидишь как в каменном мешке, куда не проникает ни свет, ни свежий воздух, и слышатся только вопли и вой гнусов и безумцев. И это – четвертый год! Такой отвратительной тюрьмы не создавал никакой деспотизм, ни даже – террор французской «великой» революции.

Единственное средство, чтобы не сойти с ума и не дойти до самоубийства это – зажать уши, закрыть глаза и жить в таком положении.

Такая форма и такая степень революционного деспотизма возможна только в совсем дикой, лишенной всякой собственной культуры, стране, где нет того многочисленного слоя общества, который во Франции называли 3-м сословием. К власти пришли отбросы рабочего класса, не порвавшего своих связей с крестьянством, городские мастеровые, ремесленники, мещане и т. п. И все это возглавил мыслящий пролетариат в лице дворянина Ленина. А внизу – крестьянство, по своему уровню культуры средневековое. А затем – обломки бывших командующих классов, разоренные и придушенные, носителей бедной русской культуры.

Все это мало похоже на прогнозы Маркса.

1 февраля 1922 г.

Эдуард Бернштейн писал 20 лет тому назад то, что не раз говорили до него «буржуазные» экономисты, а именно, что без широкого развития демократических учреждений, хозяйственных и политических, на основе самоуправления, «общественное присвоение производительных сил будет только безмерным расточением этих сил, бессмысленным экспериментированием и бесцельным насилием, а политическое господство рабочего класса окажется осуществленным в форме диктаторски-революционной центральной власти, опирающейся на террористическую диктатуру революционных клубов.

Как определенно, коротко и ясно охарактеризованы и предсказаны формы и результаты нашего большевизма:

1) грабеж (экспроприация, национализация, реквизиция, конфискация и т. д.)

2) колоссальное расхищение и уничтожение капитала

3) бессмысленные опыты (см. речи т. Ленина)

4) целый хаос бесцельных и бесплодных кровавых насилий

5) «диктатура пролетариата» – в действительности неограниченное самодержавие небольшого числа лиц с Лениным во главе

6) террор с потоками крови и грязи

и 7) засилие и господство комячеек и отдельных «товарищей».

Современный анекдот.

Еврейчик попался за спекуляцию в чрезвычайку. За выкуп в несколько десятков миллионов его освободили. Через несколько времени он был пойман вторично и после непродолжительного ареста освобожден за взятку в несколько сот миллионов. Вскоре он, что называется, опять оброс и был схвачен в третий раз – выкуп был назначен столь большой, что он принес в Чеку целый мешок денег. Он бросил его на стол и сказал: вот вам деньги, а вот – заодно и машинка; шабаш, печатайте сами, а я на вас не работник.

13 марта 1922 г.

Перечитываю сочинения Чехова и делаю из них выписки о русской культуре, об интеллигенции и вообще о русской жизни. Очень многие мысли и замечания Чехова звучат очень современно. Конечно он не мог предвидеть того, что произошло, но как тонкий врач-психолог вскрыл больные места русской жизни.

Перечитывал французские комедии Лаведана и Эрмана. Как все это мелко и не интересно! Овидий в Метаморфозах говорил про дворец Солнца: Materiam saperabat opus, т. е. работа зодчих и художников своим совершенством превосходила ценность материалов, из которых был построен дворец солнца. У французских писателей нового времени прекрасная техника письма оказалась на службе у интересов жизни обеспеченных людей, и даже не у французов вообще, а главным образом парижан. Так, расходившиеся в большом количестве по всему свету французские романы и комедии приобрели значение клеветы на всех французов и всю французскую культуру, быт и нравы.

С удовольствием перечитал Кенильуортский замок Вальтер Скотта. Какая полная жизни картина нравов, какое мастерство изложения, несмотря на устарелость литературных приемов!

В самом начале Революции я высказал Гершензону мысль, которая заставила его задуматься: что разложение, начавшееся сверху, быстро дойдет до самых глубоких слоев народа, а затем на несколько десятилетий затянется молекулярный процесс возрождения. Когда я говорил это Гершензону, то многим дело представлялось проще и все, кажется, представляли себе, что все вопросы разрешаться и все уладится «сменой декораций».

16 марта 1922 г.

П. Бурже. Трибун, комедия в 3 актах. По этому поводу автор писал в газете «Matin»: «Чем более я наблюдаю наше время, тем более мне кажется, что значительная часть зол, от которых мы страдаем, проистекает от непризнания того закона, формулированного и католиком Бональдом, и эмпириком Огюстом Контом, и романистом Бальзаком, и натуралистом Геккелем – что социальной единицей является не индивидуум, а семья. Если этот закон верен, то попытка построить общество на личности противна природе вещей». Природа мстит за это. Политические партии, романисты, театр и все общество проникнуты культом личности. Начиная с Декларации прав человека и гражданина культ личности стал революционной догмой, а между тем – «никогда сильные личности не были большей редкостью, чем теперь. На это жалуются все, и в политике, и в литературе».

(Об изъятии церковных ценностей)

26 марта 1922 г.

В Известиях (31 / III нов. ст.) помещены воззвания нескольких священников и их паствы о церковных ценностях. В одном воззвании ряд ссылок на отцов церкви и справки из истории православной церкви – в доказательство, что употребление ценностей на благие цели вполне канонично и отвечает духу и строю православной церкви. Все это быть может верно и очень хорошо, но получает совершенно особый смысл и значение после послания патриарха, в котором он указывает на недопустимость отчуждения предметов священных и освященных употреблением и грозит отлучением от церкви прихожанам и лишением сана духовным лицам. Это яркий пример распада церкви. Вообще мне кажется, что учреждение патриаршества так же нежизненно как и республики. Освобожденная революцией от власти Синода и прокуроров, церковь оказалась не в состоянии организовать жизненную власть на началах самоуправления. Приходы и рядовое духовенство не умеют повиноваться поставленной ими же самими власти, а верхи церкви не умеют властвовать. Как и в республике нет налицо двух важнейших условий существования власти – уменья и готовности подчиняться и уменья властвовать.

Большевики, конечно, охотно помещают подобные воззвания, хотя они написаны чуждым им языком верующего человека и полны аргументов от отцов церкви и истории церкви, над которыми б-ки издеваются и богохульствуют тут же в комментариях. Авторов-батюшек по-видимому нисколько не смущает, что глава их церкви тут же подвергается издевательствам со стороны газетных Нахамкесов (рясофорный белогвардеец, саботажник и т. под.).

Подобные проявления внутренней гнили всегда очень высоко ценились большевиками. Можно сказать даже больше того – большая часть их погромных предприятий основывались именно на этом: внести в среду

разногласие, раздор, разложить ее таким образом, воспользоваться одними элементами, хотя бы ничтожным меньшинством, и направить их на большинство и на разгром всей среды. Эти батюшки, идущие против патриарха и печатающие свои воззвания, на радость и потеху большевиков, есть явление того же порядка, как комбеды. Может быть они делают это по убеждению, но это нисколько не изменяет общественного значения их выступления. Ведь и не все герои комбедов были негодяями. Были вероятно и там люди, которые проделывали свое Каиново дело с убеждением, что поступают хорошо.

В сущности нет надобности в ссылках на авторитет святцев. Разграбление церковных и монастырских богатств есть вполне естественное завершение того колоссального грабежа и расхищения государственных, общественных и частных богатств, которое предпринял русский народ под компетентным руководством большевиков.

Продолжение лозунга: грабь награбленное, который пришелся очень по душе русскому народу и встретил с его стороны энергичную поддержку. В это дело было вовлечено так много людей, что невозможно сказать, кто шел впереди, вожди ли, или те, кто соблазнился их лозунгами и воспользовался их компетентным руководством.

По логике всех массовых революционных движений всякая глупость должна быть проделана до конца, до полной нелепости. Преувеличенные представления невежественных масс об огромных богатствах церквей и монастырей и о «ненужных» пролетариату музейных сокровищах были использованы для того, чтобы придать движению массовый характер. В этом деле приняли участие, весьма вероятно, провокаторы и черносотенцы, затесавшиеся в большом количестве в ряды большевиков.

По-видимому тут бессильны какие бы то ни было аргументы и авторитеты. Здесь как и в других вопросах нет такой силы, которая могла бы остановить народ или, вернее, злые элементы народа, которые частью террором, частью соблазном, вовлекают его в глупости и злодеяния. Повидимому, в этом состоит изживание революции.

Каждая глупость должна быть проделана до конца. Это выявление истины путем reductio ad absurdum, не на словах, а на деле, на спинах тех, кто так охотно поддается заблуждению, и тех, кто безмолвно отходит в сторону. Расхищение церковных и музейных ценностей есть очередная мерзость, которую фатально должен проделать русский народ под руководством большевиков, чтобы придти затем к заключению, что и это не спасет его, раз он вступил на почву грабежа и расхищения накопленных предшествовавшими поколениями богатств. Положим, что эти богатства дадут возможность купить за границей некоторое количество хлеба, что (в лучшем случае) этот хлеб дойдет до голодающих и спасет многих от смерти. Но подумали ли эти батюшки и прихожане о том, что будет

дальше. Если они думают, что все дело в том, чтобы всеми правдами и неправдами уцелеть и спастись от голодной смерти до нового урожая, то они ошибаются. В лучшем случае они отложат на полгода или на год то неизбежное возмездие, которое их ждет за их прежние и последнее деяния. Обнищание и вымирание от голода будет продолжаться последовательно и неуклонно до своего ужасного конца. Расхищение и растрата церковных богатств будет одной из самых тяжелых плит, которыми будет закрыта могила революции в глазах будущих поколений. Да это, пожалуй, и неплохо. Чем больше бесплодных и бессмысленных глупостей и мерзостей наделает современное, отпетое поколение, тем прочнее будут похоронены революция и все ее «завоевания».

17 мая 1922 г.

...Нет, кажется, ни одной затеи рабоче-крестьянской власти, которую ей удалось бы осуществить хоть сколько-нибудь сносно и провести в жизнь. Система главков, совхозы, концессии, электрификация, торговые договоры и многое другое все оказалось мыльными пузырями. Вождь мирового пролетариата выдумывает и изрекает очередную глупость, газеты и ком. организации муссируют эту глупость, повторяют ее, забавляются как дети и затем через некоторое время бросают, чтобы перейти к другой. Поистине неисчерпаемый родник человеческой глупости. Было время, когда так называемый советский строй в государственном и местном управлении был провозглашен каким-то открытием, новой формой будущего общежития для всего мира. И эта, самая капитальная «идея» большевизма вырождается во что-то нелепое, во что-то очень старое, испорченное невежеством и бесчестностью исполнителей. В нашем уезде осенью волсоветы были сокращены и в исполкомах были оставлены по 3 чел. вместо прежних пяти. Теперь с 1 мая оставлен 1 человек, которого крестьяне иронически называют красным старшиной. При нем раз в неделю будут происходить совещания сельских депутатов. При красном старшине оставлен секретарь, вместо большой канцелярии с несколькими отделениями. Еще шаг – упразднить еженедельные совещания, бесполезность которых наверное скоро обнаружится, и в волости останутся, как было раньше, старшина и волостной писарь. Характерно, что все это проделано самостоятельно Серпуховским исполкомом, а в соседнем Подольском уезде в волисполкомах по 3 члена.

Крестьяне относятся к этой реформе довольно безразлично. На мое замечание, что коллегиальный исполком существенно отличается от единоличной власти старшины, они говорили совсем в другом порядке идей: один будет воровать не меньше прежних троих, т. к. все будет шитокрыто; те друг друга боялись, опасались огласки.

Теперь советская власть на пути восстановления старых судов, прокуратуры и адвокатуры. Все эти откровения пролетарского самосознания –

народные суды по революционной (красной?) совести, рабкрины, как орган надзора и контроля, оказались, как и все прочее, синицей, намеревающейся зажечь море.

Наши волостные рабкрины известны крестьянам как постоянно пьяные бездельники. Никто их не видит, не знает их дел и в волости они совершенно не заметны, настолько незаметны, что никто не знает, как и где они достают деньги, чтобы пьянствовать. Народный судья В. И. Ушаков, крестьянин села Вельяминово, более трех лет ерничал и стяжал себе определенную худую славу человека, хотя и не злого, но скверного. Последнее время он увлекся и стал так пьянствовать без всякой меры и приличия. С 1 мая он уволен по жалобе крестьян. Вообще у нас сейчас в Михневе, резиденции советской власти, курьезное сборище лишившихся престола царьков. Одни уволены за пьянство и вымогательство, другие за пьянство и казнокрадство, третьи за сокращением штатов, четвертые за упразднением «учреждений», в которых они сидели. Вместо сотни негодяев и бездельников, сидевших на шее у народа, осталось с десяток отборных дельцов.

Отвратительна жадность, с которой все эти отбросы общества набросились на всяческие блага, которые дает власть в бессовестных руках при невежественном и глубоко деморализованном народе. Один объедается и пьет, другой завел 2–3 любовниц одновременно (в разных местах), третий обстроился и обзавелся хозяйством (таких, впрочем, немного), четвертый – женился на полуинтеллигентной «сознательной» девице и мнит себя почти что буржуем. Подобрать оторванную от семьи или лишившуюся родителей, полуголодную и забитую нуждой девушку из буржуазной среды – самая заветная мечта этих гадов, разжиревших от власти и советских хлебов.

3 апреля 1923 г.

Пробыл в Москве 5 дней и вчера вернулся в Татариновку. Везде обсуждают вопрос, какие последствия может иметь смерть Ленина. За исключением тех, кто махнул на все рукой, ни о чем не думает и ни во что не верит, мнения остальных разделяются. Одни, пессимисты, думают, что власть коммунистов настолько упрочилась, а народ настолько забит и терроризирован, что никаких перемен не будет. Другие полагают, что его уход со сцены вызовет грызню из-за места и развал всей шайки. Хотя он почти год уже не принимает прямого участия, но все-таки место занято и есть надежда, а для иных опасение, что он опять появится и окрикнет. Как бы то ни было место занято. Говорят, что товарищи ждут с большой тревогой ждут момента, когда наследство откроется и, волей-неволей, придется его делить. Трудно сказать, кто ближе к истине. С уверенностью можно сказать, что его смерть года 2–3 тому назад имела бы гораздо большие последствия, чем теперь. Хотя, с другой стороны, нельзя не признать, что власть коммунистов упрочилась только технически, но никак не психологически, В последнем отношении их положение несомненно очень ухудшилось. Особенно для них опасен несомненный и быстрый рост антисемитизма. Это, в связи с полным крушением всех их планов и обещаний, делает положение весьма неустойчивым.

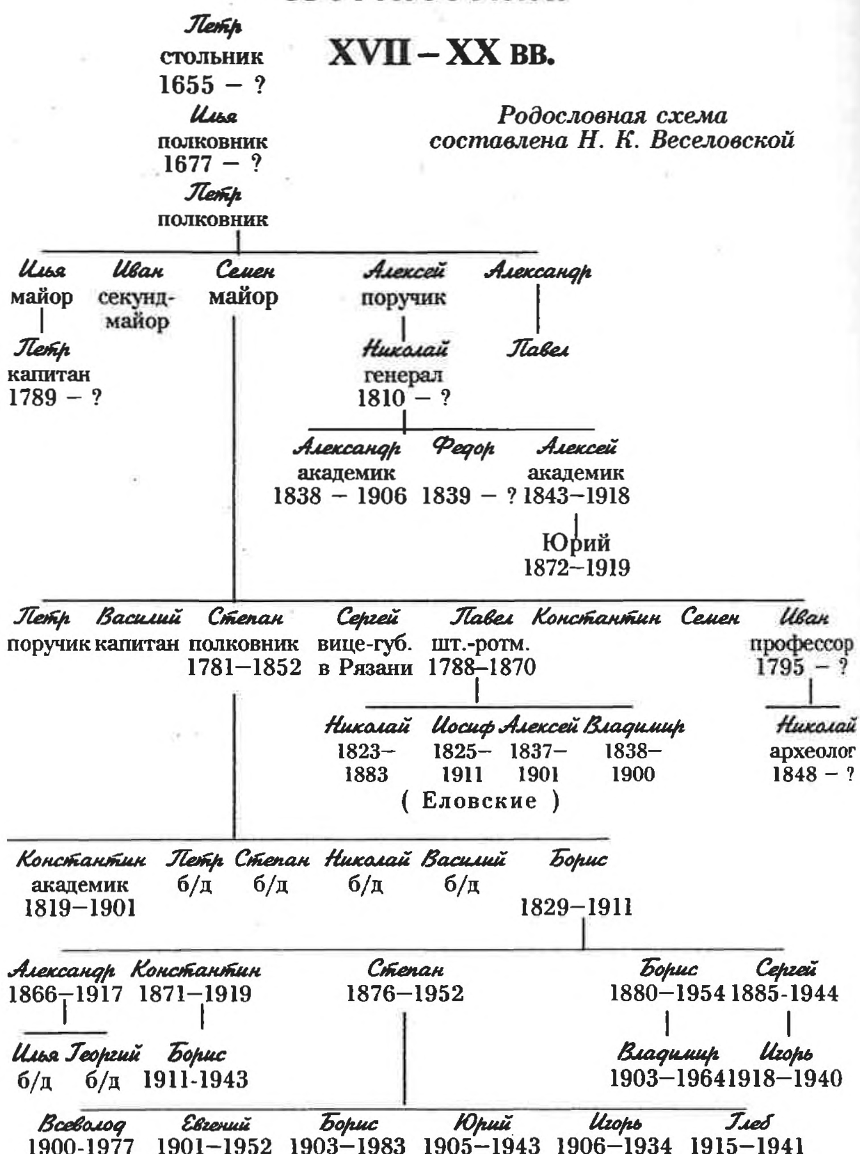
Рост антисемитизма прямо поразителен. И это не только в низах, с которыми мне мало и редко приходится соприкасаться, а в верхах, что гораздо значительнее. О жидах и их роли в революции, а теперь в использовании ее завоеваний революции, говорят все, преувеличивая, как это полагается, иногда их зловредность. Как бы то ни было, козел отпущения найден общественным и народным сознанием, и никакие силы в мире не могут помешать, чтобы оно оформилось в определенные пожелания. Наглость и бестактность евреев, две их национальные черты, очень помогают росту антисемитизма.

Они не понимают, что им лучше было бы не принимать участия в таких делах, как ограбление и разрушение церквей, вскрытие мощей и не лезть в «тройки» по оценке награбленных церковных и музейных ценностей. Ведь легко было понять, что русские хулиганы могут проделать все это и без их участия; им достаточно было надзирать и руководить этим делом. Но с присущей этой нации физической и политической близорукостью они ринулись без оглядки на эти скверные дела. В сущности антисемитизм есть один из гнойников, который собирает в себя гной из всего организма. Глухое, неоформленное недовольство во всех слоях общества, злоба на насилия и надругательство над церковью и религией до сих пор не находили фокуса, в котором могли бы сконцентрироваться. И чем дольше продержится теперешний режим, тем хуже для них и для коммунистов, которые во многих местах отождествляют с евреями.

Чрезмерно высокие налоги и безобразная, совершенно произвольная раскладка их разоряют торговлю и ремесла. За последний месяц закрыто множество магазинов, лавок и мастерских. Безработица растет и вызывает сильное неудовольствие.

Когда раньше говорили дураку, что он дурак, то он невольно озирался и в его тупой голове зарождалась мысль: а что, если я и впрямь дурак. Марксизм дал ему очень удобоносимую, непроницаемую броню: на всякий упрек и замечание в глупости поднимать как щит и говорить: классовый интерес. Этим чудодейственным щитом любой невежда может легко оправдать себя от любого ученейшего человека. Стоит возопить: классовый интерес, и любое слово противника опорочено.

Wer fur die Besten seiner Zeit gelebt –
Der hat gelebt fur alle zeiten.

Революция и гражданская война в России.
1917 — 1923

Из старых тетрадей

Ст. Б. Веселовский.
Страницы из Дневника. 1917–1923.

В. Ст. Веселовский.
Встречи с И. А. Буниным в 1917 году.
Итог революции и гражданской войны.

Дизайн обложки *К. Струков*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

корректор Б. С. Погодин

ЛР № 01428 от 5.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 1. 08. 2004 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офс.
Усл. печ. л. 6. Тираж 500 экз.

АИРО–XX
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (095) 466-16-35. e-mail: airoXX@online.ru

Книги издательства

«АИРО–XX»

можно приобрести в Москве в следующих магазинах:

Книжная лавка Литературного ин-та, (т. 202-86-08)	Тверской б-р., д. 25	**М. Пушкинская**
«Фаланстер» (т. 504-47-95)	Б. Козихинский пер., д. 10	**М. Пушкинская**
«Русская деревня» (т. 921-76-92)	в зд. Музея Маяковского	**М. Лубянка**
«Книжная лавка историка» (т. 200-50-07)	ул. Б. Дмитровка, д. 15	**М. Пушкинская**
РОССПЭН (ИРИ РАН) (т. 126-94-18)	ул. Дм.Ульянова, 4	**М. Академическая**
РОССПЭН (ИНИОН) (т. 332-47-25)	Нахимовск. пр., д. 51	**М. Профсоюзная**
«Гилея» (т. 332-47-28)	Нахимовский пр., д. 51/21	**М. Профсоюзная**
«Графоман» (т. 276-31-18)	1-й Крутицкий пер., д.3	**М. Пролетарская**
«Дм. Буланин» (ИИИ РАН) (514-10-71)	Козицкий пер., д. 5	**М. Пушкинская**
«Нина» (т. 238-79-09)	Б. Якиманка ул., д. 6	**М. Октябрьская**
«Летний сад» (т. 222-83-58)	РГБ, под. № 1	**М. Библиотека им. Ленина**
«Русский путь» (915-13-83)	Ниж.Радищевская, д. 4	**М. Таганская-кольц.**
«У Кентавра» (т. 973-43-01)	ул. Чаянова, д. 5, в зд. РГГУ	**М. Новослободская**
Кн. лавка «Корф “У Сытина”» (т. 154-30-40)	пр.Черепановых, д.56	**М.Петровско-Разумовская**

в Санкт-Петербурге – в магазинах издательств «Дмитрий Буланин» «Гуманитарная Академия»

или заказать: АИРО-XX (095) 466-16-35; airoXX@online.ru
